

А Н Д Р Е Й

ТАЛАНТЫ

КРЫСА

УЛАНОВ

Серебряные пули
с урановым
сердечником

ЭКСМО

Андрей Уланов

Серебряные пули с урановым сердечником

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=134093
Серебряные пули с урановым сердечником: Эксмо; Москва; 2004
ISBN 5-699-06812-0*

Аннотация

Многолетняя мечта писателей-фантастов осуществилась! Наконец-то человечество встретило инопланетных братьев по разуму. Вот только братья эти хоть и оказались похожи на людей внешне (правда, не все и не всегда), но были столь же бестолковы в области техники, сколь земляне – в области магии. И наоборот...

Именно туда, в Миры, населенные эльфами, гномами, гоблинами и прочей нечистью, отправился в командировку новоиспеченный сотрудник Службы безопасности Земной федерации Вуко Мракович. С миссией весьма секретной и, естественно, практически невыполнимой.

Содержание

Пролог	4
Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	22
Глава 4	31
Глава 5	40
Часть вторая	49
Глава 6	49
Конец ознакомительного фрагмента.	55

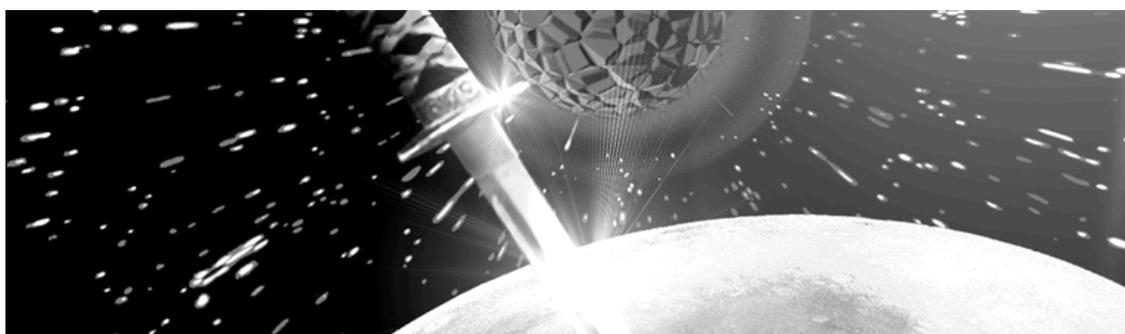
Андрей Уланов

Серебряные пули с урановым сердечником

«Все действия, совершенные предъявителем сего, были предприняты с моего ведома и согласия, исходя из интересов выживания человеческой расы».

Президент Федерации Земли (Подпись)

Пролог

Эта система красного карлика никогда не имела названия – только зубодробительно длинный номер в каталоге. Исследовавший ее киберзонд отметил наличие трех газовых гигантов, двух астероидных полей, кометного облака и занес все эти данные в сектор «второй очереди». По мнению инка киберзонда, система не представляла никакой ценности для пославших его людей. Наверное, будь у него задействованы контуры второго уровня самостоятельности и азарта, он бы поспорил сам с собой, что в ближайшую тысячу лет люди здесь не появятся.

И поспорил бы. Люди появились в этой системе не через тысячу лет, а всего лишь через семь. Это были не те люди, что посылали зонд, – формально они вообще не должны были знать о существовании этой системы. Но у тех, кто их послал, были деньги, много денег – и, среди прочего, их хватило на то, чтобы получить возможность ознакомиться с результатами картографирования заинтересовавшего их сектора.

Так в системе появилась станция, наскоро переделанная из списанного грузовика, и три десятка буев раннего оповещения, «подсвечивающих» пространство в радиусе пяти светодней от нее. Через несколько месяцев на станцию пришел первый корабль.

Это был странный корабль. С виду обычный десятикилотонник, сотни которых летают как по внутренним маршрутам Солнечной, так и на Внешние Колонии. Необычным же его делали серебристые овалы на бортах – понимающий человек легко бы мог опознать в этих овалах тяжелые излучатели Майерса, представлявшие собой главный калибр крейсеров ВКС Федерации.

Корабль был не один. Другие, похожие на него, раз в два-три месяца залетали в систему – дать отдых команде и механизмам, провести мелкий ремонт, который отчего-то не могли выполнить собственные сервы корабля. Впрочем, ремонт не всегда был мелким – один из кораблей приполз на станцию с перекоренным бортом, оставляя позади тающий синеватый след сочащейся из разбитых отсеков атмосферы. Он явно встретил кого-то равного по

силам – а может, бой был неравный, но этот кто-то, зная, что пощады не приходится ждать, очень старался продать свою жизнь подороже.

Три года спустя систему навестил еще один киберзонд. Однако, хотя его сканирующие системы были на порядок мощнее, чем у предшественника, задействовать их он не стал. Вместо этого новый гость тихо завис над плоскостью эклиптики за пределами досягаемости буев и принялся впитывать информацию – шум солнечного ветра, тяжелый рокот гравитационных волн планет, обрывки разговоров между станцией и очередным прибывающим кораблем... последнее его интересовало особенно сильно.

А еще через месяц в системе появились новые корабли. Пять узких хищных теней – тот человек, что мог бы опознать серебристые овалы, наверняка сумел бы узнать и их, потому что мало с чем во Вселенной можно спутать изящный профиль эсминца ВКС типа «Сирано». Трое вновь прибывших ушли вбок, блокируя точку перехода, а две серебристые полосы рванулись прямо к станции, где как раз заканчивал подготовку к полету очередная корабль.

Вначале на корабле решили, что расклад неплохой. Возможно, им не удалось бы справиться со всеми пятью эсминцами сразу, но противник зачем-то решил разделить свои силы – а против двух «Сирано» их корабль имел очень неплохие шансы. Главное – не дать им подойти на дистанцию ракетного залпа, а уж в бою на дальних и средних их крейсерский калибр себя покажет. Так они думали до тех пор, пока стоящий рядом с капитаном человек не увидел на экране след шестого корабля, подходившего с другой стороны. Именно от него до поры отвлекали на себя внимание два эсминца. Отвлекали, пока могли. Но тот, шестой, даже на таком расстоянии уже не мог таиться, высветившись на экране ярко-алым жирным пятном, и человек рядом с капитаном побледнел, поняв, что на этот раз боя не будет вовсе – потому что главный калибр мегалинкора ВКС втрое превосходит все имеющееся у них по дальности и впятеро – по приводимой мощности. А даже если чудо и случится и они сумеют приблизиться на свой выстрел, – в дело вступит броня мегалинкора, без труда способная отразить даже собственный залп, а на их бывшем транспортнике брони нет вовсе.

А потом в системе осталось только несколько облачков быстро рассеивающейся слаборадиоактивной пыли, и, рискуя картографический киберзонд заключить свое пари еще раз, он имел бы все шансы выиграть его – в ближайшую тысячу лет люди в этой системе и вправду больше не появились.

Часть первая

Глава 1 Гора на голову

Темнота вокруг. Тьма и тишина. И где-то там ждет нечто. Цель, мишень – враг, одним словом, то, что надо уничтожить. Справа донесся тихий звук, то ли скрип, то ли шорох. Я мгновенно отскочил в сторону и окатил подозрительный участок веером огня. Тихий треск – это звук выстрелов, а звонкие и глухие хлопки – это шарики плазмы в имитационном режиме, звонкие об стену и глухие – в мишень. Теоретически ими можно было бы темноту подсвечивать, но... по условиям зачета я опасаясь демаскировки, потому плазма черная. Видеть в инфракрасном я пока не научился. А вот шорох впереди... Я прыгал по комнате, словно плохая марионетка, посылая новую очередь прежде, чем затихнет предыдущая. И считал глухие удары падающих тел... Пять, шесть, и темнота. Значит, еще кто-то остался. Сколько же их, гадов, семь или восемь?

Я полуприсел, наклонился вперед и растопырил руки, словно всплывшая жаба, точь-в-точь как китаеза Чень Во на занятиях. Расслабился и слушаешь Голос Вселенной. Сейчас он тебе споет в ухо, где прячется последняя цель.

На самом деле я уже давно убедился, что никакими экстр-, пара- и прочими сверхспособностями не обладаю. Но можно попытаться купить на этот фокус оператора. И купил. Очередной шорох донесся из-за спины. Если бы я действительно ловил ушами Голос Из-за Края Мира, тут бы мне и был полный... конец зачета. Но поскольку я занимался ловлей исключительно реальных звуков, то упал вперед, успев при этом извернуться и прошить очередью пространство перед собой. Перекатился, получив при этом чувствительный удар в поясницу, послал вторую очередь примерно туда, куда и первую, и, не прекращая палить, повел ствол вниз – на тот случай, если гад успел растянуться на полу.

– Зачетное испытание окончено. Все мишени поражены.

В комнате начал медленно разгораться свет. Я попытался приподняться с пола и сразу же схватился за ушибленный живот. А вот нечего падать на оружие: оно, как правило, твердое и ребристое.

– Ну и как тебе Комната Мрака? – ехидно осведомился оператор.

– Мрачно, как моя фамилия. Но после Диснейленда мне уже ничего не страшно.

– Так уж и не страшно?

– Когда твой лучший друг вылетает с экзамена, условно убитый пузатой зеленой вороной – уже ничего. Хуже не бывает.

– Ну-ну. Ладно, курсант, свободен.

Получая назад одежду, я обнаружил, что, пока я отстреливал котов в темной комнате, на брик поступило сообщение. Интересно, от кого. Эх, вот бы от Джейн. Третий свободный уик-энд, и не с кем провести – обидно.

«Вольнослушателю Вуко Мраковичу немедленно явиться на Лейтстрит, 303 к полковнику Корину».

Оп-па. Да-а, это не Джейн. На Лейтстрит, 303 размещалось местное отделение конторы, которую все Содружество, косо ухмыляясь, именовало конторой глубинного бурения. Хотя на этом здании висела табличка фирмы по экспорту кокосовых орехов, а чуть поодаль – панель рекламы, периодически выплевывающая на стену соседнего монодома

слоган «Кокосы – грузим быстро!». Оно и видно, колонии в Системе без кокосовых орехов не выживут, вымрут скорее, чем от взрывной декомпрессии.

Ровно через двадцать одну минуту я робко подошел к мерцающей двери.

– Цель вашего визита? – грозно проревела мозаика над проемом.

Тон вопроса предполагал, что при любом неудовлетворительном ответе меня превратят в облачко разогретого пара. И поделом, поскольку шляться у дверей этой фирмы могут только либо ее сотрудники, либо злобные иномиряне. Ну а если попадетсЯ какой-то экспортер кокосов – бывает, не повезло.

– Курсант Мракович к полковнику Корину, – проблеял я, от души надеясь, что интеллектроника не сочтет дрожь в моем голосе характерным для иномирцев признаком.

Мерцающая завеса исчезла.

– Проходите, – голос остался таким же резким и неприятным, но, по крайней мере, стал на полтона тише.

Я осторожно ступил на сверкающий пол.

– Повернитесь лицом к стене. Смотрите перед собой. Протяните руку в отверстие.

Анализ сетчатки и ДНК. Проверяют, или я в самом деле Вуко Мракович, гражданин Федерации 21 года от роду, или нежить какая, как говорила моя покойная чешская бабушка, никогда не слышавшая про иномирян.

– Следуйте за красным сигналом.

– За каким еще красным сигналом? – поинтересовался я, отворачиваясь от стены, и уставился на красный огонек, висевший в воздухе прямо перед моим лицом.

– Следуйте за красным сигналом. Любое отклонение от маршрута считается нарушением.

Ага. Шаг в сторону – побег, прыжок на месте – провокация. Это уже мой русский дедушка.

– Вы всех так встречаете или только меня? – напоследок поинтересовался я, двинувшись за огонек.

– Всех посторонних, пытающихся пройти через служебный вход, – сообщил голос, так и оставив меня в недоумении – то ли я говорил с возмнившимся о себе инком, то ли с садюгой-охранником.

Огонек довел меня до двери с надписью: «Зам. нач. второго экспортного отдела» – и растворился в воздухе. Я поискал какой-нибудь замок и, ничего не найдя, тихо кашлянул.

– Входите, курсант, – донеслось из-за двери.

Бар Корин, второй сын шелдонского герцога средней захудалости, был обречен на положение изгоя, поскольку не проявил вообще никаких способностей к магии, не говоря уж о соответствии герцогскому титулу. Он так бы и остался позорным пятном на семейном дереве, но, к его счастью, в Ойкумене объявилась целая планета подобных изгоев. Предложив землянам свои услуги, Бар Корин после того, как многочисленные тесты доказали его верность новой родине, получил в руки такую власть и такие возможности, какими не располагал ни один король в Ойкумене. Он работал в Службе Безопасности Земли уже девятый год, и легенды о нем курсанты Академии пересказывали шепотом, вдали от вероятных ухон, потому что все эти дела относились либо к «совершенно секретно», либо к «секретность высшей степени, перед прочтением съесть». Короче говоря, Бар Корин принадлежал к тому сорту людей, от которых я всегда стремился держаться как можно дальше – исключительно из чувства самосохранения.

Я проскользнул внутрь и примостился на краешке стула у стены.

– Садитесь в кресло, Мракович. – Расположившийся за старинным письменным столом человек убрал висевшую над столом винду и приглашающе махнул рукой. – Устраивайтесь поудобнее, не стесняйтесь. Разговор будет.

Вздыхнув на всякий случай, я перебрался в роскошное кресло у стола и утонул в нем. Это произведение современного мебельного искусства было совершенно изумительным с точки зрения комфорта и иезуитским кошмаром – с тактической. Из такого кресла не выпрыгнешь, из него надо долго *вставать*.

– Я ознакомился с вашим досье, Мракович, – начал полковник, внимательно изучая при этом поверхность стола. – И пришел к выводу, что вы – представитель до сих пор не встречавшейся мне категории – общественный бездельник.

– Э-э, это не совсем так, сэр, – проблеял я.

– Разве? – Бар Корин оторвался от созерцания своего стола и посмотрел мне в лицо. Лучше бы он этого не делал. Глаза у шелдонцев полностью лишены каких бы то ни было белков и зрачков и представляют собой матово-черную поверхность. Легче смотреть во включенный глубоководный прожектор. Я выдержал не больше секунды. – Вам двадцать один год, и вы уже успели поучиться в трех университетах. Прекрасно сдавали вступительные экзамены, получали государственную стипендию – а это не так уж мало – и вылетали после первого года обучения. Сейчас надуваете подобным образом Академию. Все верно?

– Э-э, видите ли, сэр, – я постарался поглубже вжаться в кресло, – у меня большие трудности в освоении тех предметов, которые мне не нравятся. Я не могу заставить себя их освоить.

Выложив это признание, я еще глубже вжался в кресло и приготовился к самому страшному.

– Правильно сказать – не хотите их осваивать. Просто сидите и забираете деньги, предназначенные для тех, у кого хватает желаний и силы воли учиться дальше. Вы настоящий, как это у вас говорится, трутень.

Ну, все. Это конец. Сейчас он позвонит в Службу Социального Контроля, и дружелюбные санитары поволокут меня на психокоррекцию. А потом не менее дружелюбные федеральные маршалы еще и пяток лет впаяют, чтобы новые принципы служения обществу окрепли под жарким небом Меркурия.

– И, как ни странно, это именно то, что мне от вас требуется.

Я не поверил своим ушам.

– Способность жить за счет общества – это наследственная черта аристократии, – пояснил полковник. – В Мирах она успешно занимается этим уже сорок тысяч лет, что я, – Бар Корин усмехнулся, – могу лично засвидетельствовать. Ваша же земная аристократия сильно испорчена. Желание сделать из большой кучи денег огромную кучу заставляет большинство трудиться в поте лица. Те несколько человек, которые ведут жизнь, достойную своего положения, обладают настолько громадным состоянием, что мне нечем их заинтересовать.

– Э-э, а разве среди них нет людей, склонных к необдуманным поступкам?

– Давайте без этого «э-э», Мракович, – поморщился полковник. – Вы задали умный вопрос, и я вам отвечаю. Среди них есть люди, склонные к авантюрам; кстати, вы, согласно вашему досье, также относитесь к их числу. Но иметь дело с человеком, которым движет исключительно тяга к острым ощущениям, я категорически отказываюсь. И вы, я думаю, согласны со мной.

– Конечно, сэр, – совершенно искренне сказал я.

Иметь дело с идиотом, который завалит все на свете только из-за того, что ему захотелось покрасоваться перед публикой, – слуга покорный. Лично я нравлюсь себе таким, какой я есть, – трус, на овеванном славой поле сражения предпочитающий глубокий и уютный командный пункт.

– Поэтому приходится выкручиваться. Вот, например, как вы, Мракович, отнесетесь к предложению стать оперативным сотрудником Службы Безопасности?

«Фраза-то какая красивая, – подумал я, – оперативный сотрудник Службы Безопасности». Большой кусок сыра с маслом. А кем может быть опер СБ, работающий на Корина? Правильно, шпионом в Мирах. Отсутствие всех и всяческих удобств, злобные варвары вокруг, женщины, никогда не слышавшие о косметической хирургии, и колдуны, которые при малейшем намеке на то, что я – замаскированный землянин, испытают на мне свои лучшие некромантские заклятия. Не говоря уж о монстрах, которых там больше, чем у нас – зеленых мух. Как представишь это, так Меркурий сразу покажется милым и приятным местом.

– Ваше предложение – большая честь для меня, сэр, – начал я самую цветистую формулу отказа из всех, какие только знал. – И я бы с радостью принял его, но в моем возрасте опасно принимать столь ответственные решения в одиночку. Позвольте мне несколько дней обдумать это, посоветоваться с родными.

Лучше всего с покойной чешской бабушкой.

– Вот видите, зачатки дипломатии у вас тоже имеются, – весело заметил полковник. – Как там? «Если дипломат говорит «нет», значит, это не дипломат». А остальное вобьем в вас психотренингом.

Похоже, он не понял, что я сказал.

– Простите, сэр, но я...

– Успокойтесь, Мракович. Я не собираюсь делать из вас нового... – полковник на миг замялся.

– Штирлица, – подсказал я.

– Джеймса Бонда, – одновременно со мной закончил Корин и удивленно посмотрел на меня. – А кто такой Штирлиц?

– Это кличка Джеймса Бонда для работы в России, – сообщил я. – Но это к делу не относится.

Сомнительно, чтобы Бар Корин настолько увлекся земной историей.

Полковник побуравил меня взглядом еще пару секунд.

– Так вот, – продолжил он. – С настоящими агентами в Мирах вы, разумеется, не будете иметь дела ни при каких обстоятельствах.

Я пропал. Живым мне отсюда не выйти. Я знаю самую страшную тайну Безопасности – у Корина *есть* агенты в Мирах. Те самые, чье существование так упорно отрицают все земные дипломаты на всех межзвездных переговорах. И в чьем наличии так упорно уверены все правители Миров, хотя все они, по большому счету, профессиональные параноики.

– Вы никогда не думали заняться торговлей с Мирами? – спросил полковник.

– Думал, – признался я.

А покажите мне такого идиота, кто об этом не думал.

– Но для начала нужно иметь хотя бы небольшой капитал.

– Небольшой – смотря для кого. Мне таких денег за десять лет не наворовать.

– Что вы скажете о трех тысячах эко?

– Этого мало, – не задумываясь, ответил я.

– Согласен с вами, – Бар Корин усмехнулся. – Три тысячи эко – это вам на текущие расходы. Плюс к ним: карт-бланш СБ – не придется тратиться на взятки чиновникам – и ордер на получение списанного армейского вооружения со склада в Уссурийске. Его почему-то недавно передали нашему отделу. Все оружие изготовлено до 2025 года и не попадает под конвенцию. Правда, на большинстве Миров о ней никто не слышал.

– Торговля оружием? – переспросил я. – Грязное дело, сэр.

– А чистыми делами мы не занимаемся, – спокойно ответил полковник. – Жители Миров убивали друг друга сорок тысяч лет без вашей помощи. Кучка металллолома столетней давности ничего не изменит. Ни в худшую сторону, ни в лучшую.

– А какое задание я получу от СБ?

– Никакого.

– Не понял, сэр.

– Ваше первое задание – заработать побольше денег. Для себя. Если мои предчувствия не оправдаются, то после трех рейсов можете катиться на все четыре стороны и начинать новую жизнь богатого бездельника где-нибудь на Венере. А если оправдаются – задание найдет вас само.

Очень обнадеживающее заявление. Весьма, я бы сказал, обнадеживающее.

– Ясно, сэр. Какие будут приказания?

– Подготовку начнете с завтрашнего утра. Зайдите к капитану Йорунге, он проинструктирует вас. В Академии можете больше не появляться – все формальности мы уладим сами.

– Понял, сэр.

– И последнее, – полковник встал, – пройдемте.

Я промаршировал за Баром Корином в соседнюю ячейку и замер с открытым ртом.

Вся противоположная стена была увешана шпагами. Но, боже мой, что это были за шпаги! Вау! Музейные экспонаты работы великих земных мастеров по сравнению с ними выглядели дешевым ширпотребом.

– Нравится? – Голос полковника донесся словно издалека. – Выберите какую-то одну.

– Они все... – я запнулся, затрудняясь подобрать нужное слово, – поразительны.

– А вы попробуйте, – посоветовал полковник. – Может, одна понравится вам больше остальных.

Я медленно подошел к стене, восхищаясь искусством неизвестного мастера или скорее даже мастеров. Прошелся вдоль, не в силах остановить взгляд на чем-то одном. И вдруг – точно какая-то сила притянула меня – я осторожно взял шпагу. Эфес пришелся точно по ладони, словно перчатка. Для пробы я сделал выпад, парировал воображаемый ответ соперника, отступил на шаг и отсалютовал собственной тени.

– Вы когда-нибудь занимались фехтованием? – спросил Корин.

Я взглянул вдоль лезвия. Сверкающая поверхность на миг подернулась призрачной дымкой и снова ослепительно засверкала.

– Никак нет, сэр. Видел пару исторических мувов про мушкетеров.

– Как ее зовут? – быстро спросил полковник.

– Кобра, – автоматически ответил я и только после этого заметил на гарде изображение атакующей змеи.

– Она сообщила вам свое имя. – Бар Корин серьезно кивнул. – Это хорошо. Значит, я в вас не ошибся.

– Она? – переспросил я.

Шпага у меня в руках и в самом деле жила. Странное ощущение, я бы в жизни не смог описать его, но был уверен, что это именно так – у меня в руках не просто кусок обработанного, пусть и очень искусно, металла – он... она живет своей, совершенно особой и непостижимой жизнью.

– Эти шпаги, Мракович, были сделаны лучшими эльфийскими мастерами, каких мы только смогли пригласить, – полковник подошел к стене и с нежностью провел рукой над сияющей сталью. – Из материалов, изготовленных концерном «Мессершмит – Туполев» в лабораториях Дальнего Пояса в условиях невесомости и глубокого вакуума. Один из редких примеров удачного соприкосновения. Неудачных намного больше.

– Но интервью сообщает об успешном сотрудничестве...

– Вы верите службе новостей? Мракович, вы даже не представляете, насколько велика пропасть, разделяющая наши цивилизации. Для Миров потрясение от контакта с Землей было намного больше, чем для вас. Земляне были готовы сознательно и, главное, подсознательно к встрече с неизвестным, с чем-то, чего не было раньше. С разумными кристаллами

или жукоглазыми крабоногами. Выпала одна из многих невероятностей, земляне поахали и успокоились. Но Миры не были готовы к встрече с вами. Да, ученые мудрецы в университетах с умным видом выдвигали гипотезы, что где-то там, вдали, в огромной Вселенной, развитие могло пойти по другому пути, но даже они сами в глубине души не верили в это. Они решили, что некая закономерность является аксиомой. И когда выяснилось, что у правила бывают исключения, возник вопрос – а правило ли это?

– И не будут ли следующими на очереди злобные жукоглазые крабоноги? – подхватил я.

– Вот как раз крабоногов я боюсь меньше всего, – устало сказал Бар Корин. – Как вы думаете, Мракович, сколько может быть путей развития у человечества?

– Ну, – неуверенно начал я. – Пока известно два. Технология и магия.

– Неверно. Доминирующих два, а тех, которые не выдержали конкуренции и исчезли, даже на Земле известно гораздо больше. Про Миры я и не говорю. Они упорно пытаются подогнать вас под привычные рамки, а это невозможно. Ваши роботы – это не зомби, ваши инки – это не духи и не демоны, ваши лидеры – это не потомственные маги, а удачливые дельцы или ловкие демагоги. По всем их представлениям, вы не можете существовать, и тем не менее вы существуете и этим фактом опрокидываете всю их систему мировоззрения.

– Но неужели последствия контакта для Миров столь велики?

– Велики? – Корин приподнял бровь. – Да их никто вообразить не может. Сама идея общества, где все, пусть номинально, но считаются равными, не может возникнуть там, где это неравенство очевидно для каждого. Крестьянин на каком-нибудь далеком Мире рвет с головы шапку при виде дворянина, потому что знает – тот может что-то, чего не может он. Но вот он узнает, что существует способ, при помощи которого он, простой крестьянин без всяких магических способностей, сможет делать почти то же самое. Спрашивается, будет ли он развивать эту мысль дальше и до каких пределов?

– Но ведь и у магии немало достижений, – попытался возразить я. – Например, та же алхимия, все эти реакции катализа, трансмутация элементов при низких энергиях...

– А-а, – полковник сморщился. – Одна из самых больных тем на переговорах. Да, маг может изготовить золото, и это будет дешевле, чем в трансреакторе. Но маг не может заниматься этим круглосуточно, а реактор может! И пока маг спит, ест или трахается, реактор выдает продукцию. Через неделю, месяц, максимум два, стоимость реакторного золота окажется ниже, а уж объем! Это если какой-нибудь добывающий концерн не найдет способ качать золото, скажем, из атмосферы Юпитера.

– До сих пор же не нашли.

– Потому что искали без особого старания, – сказал Корин. – Потребности Федерации в золоте покрывались, а сбивать цену было невыгодно. А тут открылся такой рынок. Потребность возросла в десятки, сотни раз. Я уже достаточно изучил особенности технологии – если перед вашим обществом поставить конкретную задачу, сулящую прибыль, она будет решена. Любыми путями!

– Ну не может же быть все настолько плохо? – удивился я.

– Плохо?! – усмехнулся полковник. – Скажите это слово контактной комиссии из МИДа, и они прибудут вас на месте. Если говорить о золоте, то на сегодняшний день в постройке находятся сорок семь трансреакторов, и каждый месяц это число увеличивается. Как только половина из них выйдет на рабочий режим и начнет выдавать золото, то цена на него упадет вдвое. А если правительство Федерации под давлением промышленников отменит квоты на экспорт, то экономика нескольких десятков Миров рухнет в тот же миг.

– Но ведь Земля одна, а Миров...

– И что? Критериев для сравнения не существует. Как сопоставить небо и воду? По промышленному потенциалу? В Мирах и слов таких нет. По уровню рассеянной природной

магии? На Земле ее и не было никогда. По количеству Машин Судного Дня, которые Федерация может наштамповать за месяц?

– Но ведь у Миров тоже есть заклинания, способные уничтожить планету, – возразил я.

– Правильно, есть. Но магов, способных его применить, можно пересчитать по пальцам одной руки. А Машину Судного Дня может привести в действие любой олух, прочитавший инструкцию. Ладно, не будем мелочиться – любой доктор физматнаук, имеющий представление о Теории Единого Поля и способный прочитать показания приборов. Сколько на Земле таких докторов?

– Так, по-вашему, Земля превосходит Миры? – спросил я.

– Вы ничего не поняли, Мракович, – поморщился Корин. – Или сделали вид, что не поняли. Земля и Миры настолько различны, что их просто-напросто *нельзя* сравнить. Вот, например, шпага, которую вы держите в руках. Что в ней важнее, работа эльфов или космические сплавы?

– Ну, наверное, работа эльфов, – неуверенно предположил я.

– Да? Этой шпагой можно отразить удар меча гномской работы, причем от меча останется одна рукоятка. Обычные эльфийские клинки такого не могут. Да и о самой идее шпаги эльфы никогда не слышали. За тысячи лет никто в Мирах не додумался до оружия, пробивающего доспехи не за счет грубой силы.

Полковник достал из ниши ножны, выглядевшие не менее изящно, чем сама шпага, и передал мне.

– Йорунга выдаст вам разрешение. А не то вас случайно арестуют, – Бар Корин усмехнулся, – за ношение холодного оружия, представляющего угрозу для окружающих.

– Простите, сэр. – Я прислонился к стене, пытаюсь собраться с мыслями. – Вы мне столько наговорили, но я не совсем понимаю, а какова все-таки моя роль?

– Не понимаете? – Корин пришил меня к стене своими черными прожекторами. – Из всего, что я сказал, вы могли бы, если б захотели, сделать один очень важный вывод. Земля и Миры взаимно беззащитны. Ни один Мир не может противостоять атаке любого из крейсеров Флота Открытого Космоса. Но и житель Земли не может сделать то, что любой мирянин делает инстинктивно, – отличить Силу Добра от Силы Зла. И вы тоже не можете этого, Мракович. Так что будьте *очень* осторожны.

– Так точно, сэр, – пообещал я. – Буду.

Выйдя из кабинета Бара Корина, я был настолько подавлен обрушившейся на меня Джомолунгмой, что механически поплелся за красным сигналом, даже не думая, куда он, собственно, ведет. Единственной разумной мыслью, которую я сумел произвести, было то, что Бар Корин, сволочь этакая, проделал это абсолютно сознательно.

Что ж, Силы Добра одержали очередную победу... над Силами Разума. С чем их и поздравляю.

– Агент Мракович? – здоровенный негр, с трудом помещавшийся за столом, дружелюбно улыбнулся мне. Я попытался вымучить из себя ответную улыбку. – Ваше удостоверение сотрудника СБ, креда на три тысячи, разрешение на ношение нестандартного оружия, ордер на склад, программа подготовки, две кодкарты: желтая для зоны А-4 и красная для зоны К-7. На что выписывать штатное разрешение?

– Простите, сэр?

– Какое оружие записывать за вами по штатному расписанию, кроме этого вертела? – переспросил негр.

– Скажите, – осторожно осведомился я, – а «смерча» у вас случайно нет?

Негр – я наконец догадался прочитать его лейбл и обнаружил, что передо мной тот самый капитан Йорунга, заботам которого грозился поручить меня Бар Корин, – так вот, Йорунга, очевидно, решил, что я шучу, и заржал. Хотя я вовсе не шутил.

– К сожалению, штурмовой автомат Смирнова «См-21» находится на вооружении только отдельных частей специального назначения и приравненных к ним соединений полиции и Службы. Выбирайте что-то другое.

– Тогда дайте «кольт-волк», – попросил я.

Это, конечно, не «смерч» и не «шмель», но стены разносит тоже неплохо.

– ...Разрядник «кольт-волк» «Мк.3», специальный. – Капитан заполнил оставшиеся графы и протянул лист мне. – Проверьте и прикоснитесь внизу, где синий квадратик.

Неплохо они тут устроились. Бумагу, поддерживающую гипертекст, я видел второй раз в жизни – первый был на выставке «Инкома» этой весной.

– Получить оружие сможете на минус пятом этаже. – Йорунга просмотрел лист и отложил его в сторону. Я с ужасом заметил, что лист просто-напросто просочился сквозь поверхность стола.

Ну вот, еще и пил-мебель. Бабушка, куда я попал?!

– На том же этаже находится склад спецоборудования. Осмотритесь и, если вам что-нибудь понадобится, оформите заявку и пришлете мне.

– А что, с вами можно связаться по Сети? – поразился я. То, что внутренняя Сеть Безопасности работала по принципу «вход-эко, выход-два», было настолько общеизвестной истиной, что даже не пояснялось писателями триллеров.

– Режим эм-почты поддерживается всеми инками и компьютерами Службы, – невозмутимо сообщил Йорунга. – А соединяться непосредственно вы сможете после того, как получите служебную фишку и научитесь ей пользоваться. Все соединения должны проходить через нее.

Вот тебе и раз. Выходит, Сеть Безопасности имеет развитые контакты с внешним миром, но при этом как-то умудряется не погибать от вирусных эпидемий, потрясающих Глобальную Сеть чаще, чем парагрипп – Нью-Йорк. Это ж какой инк нужно держать на фильтре!

Глава 2

Подарки для покойной бабушки

В безграничной наивности я предполагал, что в здании Конторы за нулевой, как и везде, считают уровень открытой поверхности. Следовательно, минус пятый должен был находиться где-то в районе третьего подъяруса. Поэтому я очень удивился, когда, зайдя в лифт, обнаружил, что вообще-то нахожусь сейчас аж на двадцать восьмом этаже.

Три ха. Нулевым в Конторе считался тротуар восьмого подъяруса. Это если там вообще есть тротуар. В Университете прикладной архологии, где я имел несчастье обучаться в прошлом году, была парочка типов, именовавшая себя – возможно, не без оснований – диггерами. Самый наглый из этой компании утверждал, что спускался аж до шестого – технического – подъяруса. Если это было правдой – во что никто из нас не верил, – то парень был значительно храбрее, чем выглядел, потому что обслуживать тамошние комм-лины посылают роботов не ниже третьего класса, а живые ремонтники туда спускаются не чаще раза в год, не меньше чем вдесятером и с обязательным сопровождением из «Крысиного отряда».

А все из-за того, что на шестой иногда может попасть чего-нибудь с седьмого.

Про восьмой же было достоверно известно только две вещи – что он частично завален еще со времен Большой Аварии и что на нем живет – если это слово вообще применимо – такое, чего боятся те, кто обитает на седьмом. Одним словом, стра-ашно, аж жуть.

И сейчас я свободно падал на пять этажей ниже.

Само падение длилось не так уж и долго, но за эти секунды я успел, во-первых, подумать, что, возможно, Службу называют конторой глубинного бурения вовсе не из-за аналогий с тайной полицией Советской Империи, а во-вторых, припомнить все ужасные слухи об особых экзаменах для курсантов Службы – и о проценте сдавших, читай, выживших.

А потом лифт замер. Я глубоко вздохнул напоследок, зажмурился и шагнул вперед.

Ничего не произошло. На меня не напал гигантский таракан, в генокоде которого покопался дебил-школяр, на меня даже не набросился окосевший робот-ремонтник с фрезой наперевес. На меня...

– Агент Мрачкович?

Я осмелился приоткрыть один глаз. Прямо передо мной стояла весьма миловидная девушка, которая никоим образом не походила на клопа-мутанта.

– Вообще-то я Мракович, – сказал я, постаравшись произнести это действительно мрачно – сам не знаю зачем.

– Извините. – Девушка растерянно глянула на свой брик. – Ой, еще раз простите, оперативный сотрудник Мракович.

Судя по ее тону, оперативный сотрудник был птицей куда более высокого полета или – учитывая специфику Конторы – кротом куда более углубленного закапывания, чем простой агент. Впрочем, возможен и другой вариант – она просто еще никогда не видела оперативных сотрудников Бара Корина *живьем*.

Последний вариант мне понравился значительно меньше первого.

– Как зовут меня, – улыбнулся я, – это не так важно. Вы лучше скажите, как зовут вас?

– Что? Ах да, агент Элли. Капитан Йорунга распорядился, чтобы вас обеспечили всем необходимым, – девушка улыбнулась, впрочем, улыбка вышла чуть растерянной, – в том числе и гидом.

– И с чего начнем экскурсию? – осведомился я.

– Для начала, я думаю, вам необходимо получить фиш, – неуверенно сказала Элли. – А уже потом все остальное.

– Ну конечно, – с энтузиазмом воскликнул я. – А то что же это за оперативный сотрудник без фиша. Кстати, вы не знаете, она тут заливная или ужаленная?

На этот раз Элли улыбнулась чуть больше.

– Пойдемте. Только, – обернулась она, – не шутите так при Дональде, а то он обидится. Он-то обожает все эти интеллектронные штучки и страшно расстраивается, когда другие, особенно оперативники вроде вас, подшучивают над ними.

Оперативники вроде вас – это звучит обнадеживающе. Еще более обнадеживает то, что фраза была произнесена в настоящем времени. Возможно, я все же не единственный живой оперативник Бара Корина.

Док Дональд Рагнарссон явно никогда не смотрел старинные мультяшки, иначе бы он либо убрал с дверей упоминание об ученой степени, либо сменил имя – в зависимости от того, что ему было дороже. В крайнем случае пошел бы на радикальную пласти операцию. Конечно, любой человек имеет право зваться Дональдом и быть при этом доктором хоть трех наук сразу. Но если он при этом еще и похож на легендарную утку, то ему остается только посочувствовать. Впрочем... Good products – бог на стороне уток.

– Вот он, – с гордостью и даже, как мне показалось, трепетом произнес Док Дональд.

У меня лично данный экспонат никакого особого восторга не вызвал. Черная матовая пластинка, размером с ладонь. Обычный личный брик «Nokia» или «Ericsson», правда, без названия фирмы, ну и, пожалуй, чуть поуже. А так, брик как брик, каких по полтора эка – в любом магазине навалом.

– И какие же у него характеристики? – вежливо осведомился я.

– У него потрясающие характеристики, – вскричал доктор. – Просто невероятные. В эту крохотулю умудрились запихнуть чуть ли не всю базу данных Службы. Ввод-вывод в омега-диапазоне, на частотах... Впрочем, это вам, наверное, неинтересно.

Надо же, сам сообразил!

– ...Опознание владельца по комплексу из восьми индивидуальных характеристик: биоритму, пси-ауре...

Я с трудом удержался от зевка.

– ...Никто, кроме вас, не сможет воспользоваться им.

Я было собрался спросить Дока, слышал ли он когда-нибудь про клонирование, но вовремя сообразил, что штуковину проектировали люди поумнее его. Что-то подобное нам рассказывали на лекциях, которые я благополучно проспал, – клонирование, так же как и скрен-маскировка и другие методы, может сдублировать часть характеристик, но бессильны против анализа их связи в комплексе. Правда, для этого нужна система...

– ...Псевдоинк класса ЗМК...

– Что? – переспросил я.

– В пересчете на стандартные единицы мощность ИРа соответствует классу ЗМК, с учетом специфических особенностей, разумеется, – повторил Док.

Ничего себе. Я мысленно присвистнул. Дело даже не в том, как такое количество мегакью умудрились запихнуть в эту пластиночку, – микротехника прогрессирует хоть и медленно, но верно и неотвратно. Фокус в том, что, согласно Закону об Ограничении Использования Искусственного Разума... Это что ж, я теперь получаюсь сам себе средней руки корпорация?

– ...Основа корпуса из реструктурированного карбида вольфрама, – продолжал вещать Док. – Выдерживает нагрев свыше 2500 градусов, ускорение более 270 «же», давление...

Мне очень захотелось напомнить, что я лично вряд ли выдержу нагрев даже до каких-то жалких 200 градусов, а что станет потом с фишкой, вряд ли будет представлять для моего пепла хоть какой-нибудь интерес. В конце концов, я собираюсь спрятать эту штуку себе на грудь, а не приклеивать на внешнюю обшивку космолета, которого у меня, кстати, пока и нет.

– К сожалению, – с тоскливой ноткой в голосе закончил Док, – нам не позволили снять ограничение на управление тяжелым наступательным вооружением. Только в ситуациях класса Красный-А3.

Я приподнял бровь.

– Угроза жизни подданным Федерации числом не менее килоединицы, – пояснил Док.

Замечательно. То есть, если меня будут убивать в одиночестве, эта штука пальцем не пошевелит. Которого у нее, кстати, нет. Гы. Чего у нас еще нет? Пожалуй что антиматерии.

– Сейчас фиш находится в режиме пассивного сбора информации, – сообщил Рагнарссон. – Я рекомендую вам задействовать его после сеанса психотренинга, тогда ему меньше придется перестраивать симпатические частоты.

Просто замечательно. В переводе на обычный язык это означает, что они собираются копаться в моей голове так капитально, что меня после этого личная интеллектроника не опознает. Бар Корин, я вас люблю! Вы с таким изяществом насаживаете кролика на вертел...

– Благодарю, что сообщили мне это заранее, – огрызнулся я. – Было бы весьма неосторожно с моей стороны подвергать новый, необкатанный инк столь сложному испытанию.

К моему вящему ужасу, Дональд не уловил потока желчи в ответе, а, напротив, одобрительно кивнул.

– Чертовски рад, что вы это понимаете, – сообщил он с милой улыбкой, живо напомнившей мне дядюшку Бью, главного злодея из сериала «Линейная семья Браунов». – Очень редко приходится сталкиваться со столь ответственным отношением к вверенной технике. Особенно со стороны оперативных работников. Боже, видели бы вы, в каком ужасном виде мне приносят иногда их фиши: смятые, перекрученные, оплавленные. Просто не представляю, что они с ними делают!

Меня куда больше занимал вопрос, в каком состоянии пребывали в данный момент опера, чьи фишки приносили Доку в столь непотребном виде.

– Заверяю вас, – я яростно прижал фишку к груди, – что я приложу все усилия, дабы с этой малюткой не случилось подобных неприятностей.

Я был абсолютно искренен – немного наберется за мою жизнь вещей, в которых я был бы столь же живо заинтересован.

Рагнарссон одобрительно покивал, неловко сунул мне свою пухлую ладошку – мне показалось, что я сжал плохо надутую секс-куклу, – и, моментально утратив к нам с Элли всякий интерес, вернулся к своему прежнему занятию – разглядыванию под Т-проектором чего-то светло-коричневого. По виду, а главное, по консистенции предмет его исследований больше всего походил на продукт жизнедеятельности... ну, скажем, кота – кучка была небольшая.

– Куда теперь? – осведомился я у своего очаровательного гида, когда дверь лаборатории Дока с тихим шипением отрезала его от враждебного мира. – Кто у нас следующий на очереди, дядюшка Скрудж или Русалочка?

– Думаю... – начала было Элли, но ее речь была прервана стремительным появлением из-за угла коридора парнишки лет четырнадцати. Встрепанная прическа – восемнадцать цветов, классический «ретро» – и совершенно дикие выпученные глаза, словно по коридору следом несется как минимум свихнувшийся штрекер.

Естественно, мимо меня он благополучно пробежать не сумел – ножны «Кобры», которые я заботливо придерживал, дабы не оцарапать о пол, находились как раз на уровне его колен. Лететь ему метров пять... не поймай я его за шиворот.

А вот моя дальнейшая реакция изрядно удивила меня самого.

Я поднял паренька за воротник куртки и припечатал к стене.

– Еш-ш-ще раз, – никогда не думал, что умею подражать змеиному шипу, – коснеш-ш-шся моей ш-шпаги – обреш-ш-жу ноги! До уш-шей! – После чего разжал пальцы.

Парнишка с четким стуком ссыпался на пол, несколько раз ошалело моргнул, бросил затравленный взгляд в сторону моей сопровождающей и, испустив что-то среднее между взвизгом и всхлипом, вскочил и бросился прочь.

Мы с Элли недоуменно переглянулись.

– Что это было?

– Не понимаю, – озадаченно произнесла Элли. – Джонни Клейн из третьего сектора... мне он всегда казался таким тихим и скромным мальчиком...

– Интересно, – я как бы случайно положил руку на эфес и направился к углу, – что могло его так напугать?

– Может...

На первый взгляд в коридоре за поворотом не наблюдалось ничего, способного вызвать в сотруднике СБ, пусть и неполодозрелом, столь дикий ужас. Собственно, там не было почти никого, кроме одного-единственного человека в серебристо-серой повседневной униформе космофлота, неторопливо приближающегося к нам.

– Пойдемте, – обернулся я к своей проводнице, убирая руку с рукояти. – На Шипке все спокойно!

– Что?

– Ничего, это я так, – рассеянно отозвался я, – классиков цитирую.

Космолетчик меж тем приблизился настолько, что я получил возможность разглядеть его более внимательно. И то, что я замечал, потихоньку начало изменять мое мнение о причинах бегства Джонни Клейна.

Человек. Лет тридцать-сорок, точнее сказать сложно из-за правильных и симметричных черт лица. Слишком уж правильных и симметричных, чтобы быть созданными матушкой-природой, а не лазером пластхирурга. Фигура а-ля шкафчик двухметровой высоты. Короткий ежик светлых волос и холодные серые глаза. А на груди значок...

Мне враз перехватило дыхание – словно неумолимая рука в бронированной перчатке уже сдавила гортань, дожидаясь противного хруста позвонков. Я судорожно схватился за «Кобру», одновременно делая шаг назад – чтобы заслонить стоящую за мной девушку. Со стороны это, должно быть, выглядело комично.

Красноголовый дятел на фоне руки, сжимающей молнию. Седьмая рейтарская дивизия. Точнее – отдельный карательный батальон.

Те самые «отдельные части специального назначения», на вооружении которых состоят «смерчи», бронекостюмы четвертого уровня и прочие «вкусные», как говорили в оружейке Академии, штучки. «Дятлы» – санитары леса!

Серые глаза медленно скользнули по мне – я с запоздалым ужасом разглядел на воротнике узкую цветную полоску майорских знаков различия – ощущение было, словно за ворот сыпанули горсть льда. Это не был взгляд, каким человек смотрит на другого человека. Скорее уж – так лабораторный кибер глядит на подопытных мышей, просчитывая – кого из них приготовить к опыту для очередных студентов в виде «получившейся кашицы».

На миг мне показалось, что каратель замедлил шаг, собираясь остановиться, – не знаю, какую бы глупость я выкинул в этом случае. Но он все так же неторопливо прошел мимо, скрылся за углом – и только после этого я вновь обрел способность вдыхать воздух.

Вау! Ничего ж себе кошмары во плоти бродят по коридорам минус пятого этажа. Куда там до них тараканам-мутантам. Милые, домашние тварюшки...

Майор, майор... сколько я помнил выпуски интервью, в карательном батальоне седьмой рейтарской было два майора. Сам командир батальона, Ринальдо Гомес, и его заместитель... Мелвил?! Это был – Мелвил?! Палач Аркона собственной персоной?!

Можно поставить себе большой жирный плюс в личной зачетке, уныло подумал я. Не так уж много людей может похвастаться тем, что лицезрели *целого карательного майора* и сохранили после этого прежнее количество жизненно важных органов.

Особенно же интересно выглядит его появление в свете того, что карательным частям категорически запрещено находиться даже на стационарной орбите Земли – за исключением обстоятельств, вызванных техническими неполадками, но не более чем на время их устранения. Вход же в атмосферу не разрешен ни под каким видом – при такой попытке, чем бы она ни была вызвана, их расстреляют все системы ближнего пояса. А офицерам этих частей вне района боевых действий так же категорически запрещено покидать место дислокации на срок, превышающий сорок пять стандартных минут.

И какое же из этих двух правил нарушил Мелвил? Лучше бы все же второе, потому как первый вариант означает, что где-то над моей головой болтается штурмовой транспорт с батальоном «дятлов»... а возможно, и не один.

На Арконе до «акции по умиротворению» обитало 15 тысяч душ.

– Странный тип, – озадаченно сказала Элли, глядя на опустевший коридор. – Какой-то... жидкоазотный.

– Вы его уже встречали?

– Нет... ни разу.

– И хорошо, – тихонько пробормотал я, – очень даже хорошо.

Первая приятная новость за сегодня. Не считая сданного зачета. Боже, сколько лет назад это было!

– Знаете, – начал я, – Йорунга говорил, что я смогу получить штатное оружие...

* * *

Не знаю, что за черт дернул меня так срочно нестись в Уссурийск. Казалось бы – лежали эти пушки на складе с бог-весть-какого две тысячи лохматого года. Лежат же в архиве Академии лазерные диски примерно тех же годов с наклейкой «хранить вечно». Но что-то дернуло. Возможно, и к лучшему – с моим теперешним везением завтра с этим складом непременно чего-нибудь бы стряслось – от землетрясения до объявления музеем.

– Давно оно тут лежит, – завскладом старший прапорщик СБ Голопупенко, должно быть, здорово заскучал в этой глуши. Лет ему было чуть больше, чем мне, так что на «ты» мы с ним перешли почти сразу. Хороший парень, вот только этот русский диалект всемирного... нервирует. – Еще против китайцев готовили, до Первой Атомной. Запах чуешь? Дерево.

– Оно что – деревянное?

– Не, это ящики. Сами-то они вот, – прапорщик снял со стеллажа черный, матово поблескивающий предмет. – Гляди. Металл да пластик, никакого керамика. Старина-с.

– Да это же... – На миг я было усомнился, но длинный изогнутый рожок был до боли знаком. – Неужели «калашничкофф»?

– Он самый. Я ж говорю – старина. Классика.

– Вау! – Я моментально прикинул, сколько может стоить подобный раритет на сетевом аукционе. Черт, да зачем куда-то лететь, такие экспонаты у меня и на Земле с руками оторвут, да еще и драться будут.

Угу. А потом Бар Корин оторвет мне ноги... до ушей.

– И много у вас их? – осторожно осведомился я, мысленно прикидывая: может, удастся пустить хоть часть груза налево.

– «Калашей» – немного, – развеял мои мечты прапорщик. – Пара ящиков. Редкость, сам понимаешь. Так что их я тебе не дам. Разве что пару штук, не на продажу, а лично, для души. Повесишь в спальню, на стену – друзья будут от зависти погибаться.

- Хорошо, а тогда чего у вас много?
- Много? – переспросил Голопупенко. – Хлама у нас много... всяческого.
- Вот там, – ткнул он рукой куда-то в сторону бесконечных стеллажей, – «абаканы». Семьсот штук... трещотки хреновы. Там – гранатометы. Поближе – «гепарды», «13-е» военной штамповки... В том углу экзотика всякая свалена... из тех, что перед Смутой мелкими партиями гнали.
- И все сплошной огнестрел? – разочарованно выдохнул я.
- А че ты хотел? – удивился прапорщик. – У тебя ж в ордере ясно сказано, белым по синему: «До 2025-го».
- Так ведь тогда уже лазерами вовсю жгли. И эти... кинетические...
- Кинетические у нас есть, – прапорщик разинул рот, даже не изобразив попытку прикрыть его ладонью, и начал зевать. Я терпеливо ждал. Ждать пришлось долго – зевок удался Голопупенко только с седьмой попытки.
- Там, – повторил прапорщик свой давешний жест, – Объект хранения 34м456ву, число хранимых единиц на момент последней инвентуры – 45. «КВМ-2». Кинетическая винтовка Морозова, модель вторая. Двенадцать кило чистого весу, не считая шариков и батареек, плюс обмотка у нее горит постоянно. Тебе этот геморрой надобен?
- Ну-у. Мне ж из них не стрелять.
- Тем более. На самом деле, – оживился Голопупенко, – тебе по фигу должно быть, чего этим чуркам с Миров впаривать. Этим лохам все, что сложнее арбалета, – уже чудо технологии.
- Угу. А теперь то же самое на всемирном, пожалуйста.
- Прости, – скривился прапорщик, – я тут со скуки мувов насмотрелся, типа исторических... интересно стало, как из этих штук пуляли. Ну и... понацеплял словечек.
- К гипнургу сходи, – посоветовал я, – пусть ассоциативку через «каспара» прогонит.
- Лениво мне, – пожаловался Голопупенко. – Это ж, считай, пару часов на промывку, а потом еще три дня на контрольные пунктации бегай. И потом, тут половина местных так говорит.
- Медведей?
- Не, ежиков.
- Ну-ну.
- Короче, – «блеснул» прапорщик еще одним старинным оборотом, – дело к ночи. Ты под что закладываешься... в смысле, космолет у тебя какой?
- Пока никакой.
- Ну, ты, кореш, блин... – Прапорщик резко оборвал фразу и схватился за виски. – Стоп. Все, приехали.
- Ты, случаем, с утра разноцветок не жевал? – осведомился я.
- Здесь, – тоскливо произнес Голопупенко, – такая скукота, что к полудню без всяких разноцветок глюки из стен лезут. Вылезают, осматриваются и дохнут прямо посреди прохода. От скуки. Тебе-то, – продолжил он, – хорошо. На Миры летишь. А у меня тут одна отдушина – интервид.
- Хочешь – махнемся? – предложил я.
- Нет уж, – оскалился прапорщик, – думаешь, я тут серый и темный, не знаю, кто в СБ такие вот, – он дернул подбородком, – вертела для глухарей выдает? Лучше уж с глюками.
- Умный.
- Типа того, – кивнул Голопупенко. – Ладно, не кукожься, так и быть, потрачу на тебя серое вещество. Все ж какое-то разнообразие.
- Уж не знаю, что бы я без тебя, благодетеля...

– Бутылка нектара, – перебил меня прапорщик. – Мистральского. В продолговатом флаконе.

– Вау. А живого эльфа не хочешь?

– Нет, – мечтательно улыбнулся каким-то своим мыслям Голопупенко, – не одну. Две. Две по ноль пять.

– А-а-а-аднако. Ты хоть знаешь, сколько такой флакончик стоит?

– Как раз сегодня с утра аукцион смотрел, – прапорщик старательно почесал затылок. – Емкость ноль тридцать три ушла за осьмнадцать тыщ триста двадцать один кома двадцать четыре эко.

– Вот-вот. А теперь умножь на три.

– Я столько нулей в памяти не удержу, – ухмыльнулся прапорщик, – она у меня короткая... а все свободное пространство прогой учета забито.

– Чип вставь.

– Вот еще, буду я всякую кристаллическую гадость себе в черепушку вставлять. А ну как прорастет!

– Не прорастет, – угрюмо сказал я. – Скорее загнется до конца гарантийки. Среда у тебя там больно непитательная.

– У меня там четверг, – отозвался Голопупенко, – плавно переходящий в понедельник. Короче, сколько у тебя на тарелку?

– И все ему скажи, – проворчал я, – все ему ответь. Три тысячи.

На самом деле я был весьма доволен собой. Тактика «увлеку своей работой другого» использовалась мной давно и успешно. Прапорщик представлял в этом отношении совершенно классический, вернее – с моей точки зрения, – клинический случай. То, с какой охотой он взялся за обдумывание решения моих проблем... нет, как все-таки была права моя предпредпоследняя девушка, заявившая как-то, что люди – это очень странные мухи.

– Три штуки, значит. – Прапорщик задумчиво поковырял в носу мизинцем, вытащил его и принялся сосредоточенно изучать извлеченную на свет добычу. Я отвернулся. – Маловато, конечно. Новый пепелац ты за такие гроши не купишь. Разве что какую мелочь, которой только до орбиты и вниз. Бери подержанный среднетоннажник, «Гризмо» или «Мазду». Лучше «Мазду», у нее и багажник повместительней.

Я осторожно оглянулся. Голопупенко уже перестал разглядывать мизинец и теперь так же сосредоточенно вытирал его о стену.

– Думаешь, среднетоннажник? Я на длиннохвостые поглядывал.

– И что ты возьмешь за три тыщи эко? Развалюху, которую пол-Пояса десять лет юзало, потом на Фобосе подклеили да подкрасили – и на Большую Свалку? Ты с ней еще до Портала свихнешься, пока заплатки на реактор класть будешь... каждые пять минут. А потом на Мирах, перехода через три-четыре, он окончательно пучки склеит, и будешь топтать до ближайшего консульства... пехобусом.

– А что в твою «Мазду» влезет? – огрызнулся я. – Сколько у нее багажный отсек? Двести кубов? Триста?

– Триста пятьдесят, – прапорщик снова начал разевать пасть для зевка. Я затаил дыхание. Но Голопупенко нагло обманул мои ожидания – он резко захлопнул рот и настороженно уставился на меня.

– Ну?

– Баранки гну, – выдал прапорщик очередной забытый термин. – Для нормальной торговли триста пятьдесят кубометров, канешно, маловато будет. Потому как ширпотребом этих лохов уже подзавалили и вариант с бусами и зеркальцами не прокатит. Но ты-то собрался оружием... торговать?

– И? – разрушил я минуту спустя воцарившуюся тишину. – Дальше?

– Дальше? – переспросил Голопупенко. – Дальше я вот все никак в толк не возьму. Зачем тебе это оружие продавать, когда ты с его помощью можешь просто пойти и взять чего захочешь.

– Это как? – непритворно удивился я.

– Элементарно. С сотней головорезов ты любую тамошнюю сокровищницу сможешь выпотрошить на раз. Найди какого-нибудь захудалого герцогишку, растолкуй перспективы, и он тебе не то что пятки лизать будет – всю тарелку сверху донизу оближет, как варенье любимой тещи.

– А как я этим головорезам объясню, с какой стороны ствола патроны заталкивать?

– Не бойсь, – прапорщик покровительственно похлопал меня по плечу. – Все учтено могучим ураганом. Объект хранения 45т987кл, число хранимых единиц – 14. Он же «ПТИМ-4», полевой тренажер-имитатор многофункциональный. На пространстве, если мне не изменяет склероз, тридцать на сорок метров воссоздает полную картину боя – взрывы, дым, огонь, свист пуль у ушей и прочие спецэффекты. Не Диснейленд, конечно, но твоим клиентам хватит, чтобы обделаться. Есть режим «виртуальный инструктор». Развернешь, погоняешь недельку-другую – и самый последний дикий мирянин станет таким апгрейднутым, что любого земного копа порвет на тряпочки.

– Угу. И какого года выпуска этот твой «ПТИМ»?

– Не колышет, – флегматично отозвался прапорщик. – Ты его везешь для личного пользования. Хобби у тебя такое – картину боя моделировать. Заснуть, бедный, не можешь, пока второй штурм высоты номер две тыщи триста сорок пять 3-й ротой 4-го батальона 1456-го полка от 24 декабря 2037 года в деталях не воспроизведешь.

– Ну-ну, – на всякий случай скривился я, – а места он сколько жрет?

– «Птимошка»-то? Он компактный. В пять кубов влезет со всеми спецэффектами.

– Ну, допустим. А патроны?

– С этим сложнее, – нахмурился прапорщик, – но тоже решаемо. Покопайся в глобалке. На этом старинном огнестреле чертова прорва всяких историков-любителей, реконструкторов и прочих маньяков сидит, как центральной на чипе. Зуб даю – есть проги, которые всю эту амуницию позволяют на бытовом синтезаторе сварить. Нароешь, адаптируешь для бортового авторемонтника – и нет проблем.

– Думаешь, потянет?

– Теоретически, – задумчиво сказал Голопупенко, – эта штукавина должна уметь на необитаемой планете соорудить новый космолет... причем в исторически обозримый период.

– И все-то у тебя продумано, – скептически заметил я, – все предусмотрено...

– Нет таких кошмаров, – наставительно сказал прапорщик, – до которых не додумается человек, у которого есть охренительная куча свободного времени. Тут уж поневоле начинаешь фантазировать, планы всякие дурацкие строить, на тему: «Если б я имел богатого дядюшку – полковника СБ». Если бы да кабы... стоп.

Прапорщик осекся и озадаченно уставился на стену перед собой. Затем резко сорвался с места, бросился к терминалу и лихорадочно зашуршал пальцами по сенс-панели.

– Ну точно, – выдохнул он, удивленно глядя на «плетенку», – именно так и прописано – выпущенное до 2025 года. Ну и идиоты. Не-е, таких козлов учить, чтобы другим неповадно было.

– Да объясни ты толком, в чем дело! – не выдержал я.

– Ты кинетичку хотел? – Голопупенко снова ухмыльнулся, и на этот раз его ухмылка мне сильно не понравилась. Такую ухмылку снимать наголо и лепить на флаг – вместо «Веселого Роджера». – Будет тебе кинетичка!

Глава 3

Во хмелю слегка лесом правил я...

Я неоднократно зарекался выбирать вещи по сетевым каталогам. Дело даже не в том, что пышный гамбургер на сайте соседнего макдональдса имеет, как правило, очень мало общего с тем дистрофичным бутербродом, который вываливается из линии доставки. Просто когда выбираешь вещь, лучше иметь возможность потрогать ее руками.

В данном случае «руками» означало – перчаткой комба. Большая Свалка, удобно раскинувшаяся на сотне гектаров кратера Тихо, не предоставляла посетителям таких излишеств, как пригодный для дыхания воздух. С маркетинговой точки зрения, наверное, это был правильный ход – когда перед глазами начинает помигивать индикатор кислородного НЗ, желание затягивать торг улетучивается еще быстрее, чем воздух.

Некоторые – я, например, – пытаются схитрить, беря в прокате комб с регенерирующим комплектом. Воздух в нем не кончится долго – больше шансов будет загнуться от голода и жажды, но вот только запах у этого воздуха...

Для начала я прошелся вдоль ряда «длиннохвостых», с сожалением констатируя, что прапорщик Голопупенко оказался прав в своих прогнозах, – то, что располагалось в доступном мне ценовом диапазоне... сомнительно, что эти экспонаты могли самостоятельно перемещаться хоть каким-либо способом. Разве что осуществить сход с орбиты в режиме свободного падения.

Со среднетоннажниками дело обстояло чуть ли не на порядок лучше. Правда, вначале мне пришлось минут пять проплутать по завалам всяческих «комет», «стратрейсеров», «вираям» и прочего хлама из разряда «для экономически неблагополучных внеземных поселений». Фокус в том, что как раз в дальних поселениях на космолетах, которые для них зачастую объединяют функции дома и средства к существованию, предпочитали не экономить – жизнь дороже. Зато дешевые «одноразовые» пепелацы пришлись по вкусу земному криминалу – и теперь периодически мелькали в интервью, эдакие пылающие груды, падающие на боливийские джунгли.

На Свалке же этими летающими недоразумениями было забито три четверти сектора среднетоннажников, из-за чего нормальные космолеты оказались прижаты к западной стене кратера.

Я с минуту потоптался возле вытянутого синего «Вольво-универсала» – гелиевый турбореактор, сигма-локаторы, три душа – обычный, ионный и «банья», – сиденья в рубке обтянуты натуральной кожей, багажник – эх! – на пятьсот кубов. Мечта, а не пепелац! Но цена...

Еще там был очень симпатичный «черный скорпион» – маленькая полуспортивка с форсированным реактором, усиленными гравигетами и двумя дополнительными плазменными экранами. Тоже хорошая игрушка – гонять по мегаполису с парой-тройкой знакомых девчонок в рубке – встречные флаеры шарахаются в стороны, – а потом слетать к заброшенному промкомплексу и устроить там шоу с элементами высшего пилотажа – так, чтобы гравигеты не успевали полностью компенсировать рывки. Эффектно, а риска-то почти никакого – демпферы рассчитаны на куда большие нагрузки. Максимум, что светит при неудачном маневре, – пара вмятин на внешней обшивке... плюс экологический налог за утилизацию необратимо изменившихся поглотителей и штраф за ущерб, нанесенный памятнику архологии.

Все это было замечательно, но... запах в скафандре донимал меня все сильнее – а может, он и впрямь усиливался – так что я еще раз сверился с картой на датапаге и потрусил в сторону «Мазд».

Их на данный момент наличествовало сорок три штуки. Если отсеять новые – по все тем же финансовым соображениям, – а также старье двадцатилетней давности, на которых я бы не рискнул вылетать за пределы атмосферы, то более-менее подходящих оставалось всего девять. Маловато будет, ну а что я, собственно, хотел? Большая Свалка – это вам не марсианский Лагранж-5, до Луны еще долететь надо.

Я остановился перед третьей из «подходящих», вызвал из криво прилепленного на борт ценника объемную схему, покрутил ее так-сяк, ничего при этом не поняв, и, разозлившись – запах в скафандре определенно усиливался, – нажал сенсор вызова.

Продавец объявился двадцать секунд спустя – я успел проследить за полетом его спейсборда от края кратера и оценить искусство, с которым была построена траектория. Скорее всего потомственный лунар – земляне больше гоняют на обычных аэродосках, а у внешников времени нет на подобные развлечения, да и с силой тяжести на астероидах плоховато – неверный маневр, и ты в свободном полете. И у тебя уйма столь же свободного времени на то, чтобы рассчитать точку вхождения в солнечную корону.

– Желаете сделать покупку, милс?

Дурацкий вопрос. Стоял бы я тут иначе?

– Желая. Среднетоннажник, «Мазду», в пределах трех тысяч.

– Дополнительные требования? Питание реактора, отделка, интеллект борткомпа?

– На-деж-ность, – процедил я. Сдался мне борткомп, если пластиночка в моем внутреннем кармане раза в три превосходит сумму IQ всей интелктроники Свалки.

– Значит, понадежнее. – Продавец – щиток его шлема был поляризован, поэтому я не мог видеть его лица – чуть подался вперед, спейсборд пыхнул голубым огоньком и плавно прилунился метрах в двадцати впереди. Ловко. – Вот, милс. «Мазда» ВИИТ-КРЮ, что означает... – продавец осекся, разглядев мою страдальческую гримасу, – в эксплуатации восемь лет, общий пролет составил... – Я скорчил очередную несчастную рожу. – Пепелац, конечно, не в идеальном состоянии, но очень хорошим его назвать можно. Принадлежал он охранной службе какой-то корпорации, реактор и плазменные экраны были усилены пять лет назад. Плюс еще кое-какие дополнительные апгрейды...

– А именно?

– Полностью возможности этого космолета можно будет продемонстрировать в тестовом полете, – заявил продавец.

Странный у него голос... или это комм в моем скафандре глючит? Росту небольшого, возможно, подросток... или женщина. Юношеская ломка?

– И когда может состояться этот полет?

– В любой удобный для вас момент, милс. Если у вас действительно серьезные намерения.

Хм. Я обошел пепелац по кругу. Симпатичная штучка, по виду чем-то похожая на старинный прибор для разглаживания белья... как же он назывался-то... парашют? Нет... ах, да – утюг. Ну да, особенно эта массивная пластина вихревого гравитатора снизу. Понятно, что, когда космолет выйдет на трассу и расправит все лепестки и надкрылки, сходство исчезнет, но пока – очень похож. Строгий, практичный стиль без всяких выступающих излишеств. Оно и к лучшему – не люблю я все эти новомодные конструкции из ломаных линий.

– А прямо сейчас можно?

– Разумеется, милс.

Продавец сверился с датапагом, быстрым движением выбил на ценнике код доступа – створка люка медленно поползла вниз – и, отодрав ценник от обшивки, небрежно бросил его под соседний пепелац.

– Прошу, милс. Поднимайтесь в рубку, располагайтесь. Я поднимусь к вам через минуту.

– А...

– Как только закончу внешний тест реактора. Лаз в рубку прямо перед входом.

Можно подумать, сам бы я в жизни не догадался, где у пепелаца рубка. На астроправа же сдал как-то... четыре года назад. Правда, именно на космолетах летал я за эти четыре года от силы раз десять. А тяжелый истребитель «Гром», в обыденности «Гроб», при всех его неоспоримых достоинствах, требует немного других навыков.

Например, кабина у него не в пример меньше рубки. Влезло не только кресло для второго пилота, но еще и диванчик для пассажиров на пять посадочных мест, плюс свободного пространства вокруг кресел еще на двадцать стоячих. Можно встать, потянуться, выпить стаканчик кофе, затем, не торопясь, воспользоваться расположенными рядом удобствами, а не пользоваться соответствующие системы комба... о, кстати! Комб-то можно стянуть!

Я с наслаждением избавился от вконец провонявшего шлема и с не меньшим удовольствием вдохнул чистый – если не считать немедленно впрыснутых ароматизаторов – воздух. Хорошо-то как. Чистый воздух, мягкое кресло и предупредительный сервисный робот – что еще надо космолетчику для счастья?

– Вы уже готовы? – Продавец... нет, все же продавщица влетела в рубку, уронила шлем на диванчик и, упав в кресло первого пилота, немедленно зашуршала пальцами по сенсепанели. – Советую пристегнуться.

– Э-э... – Я озадаченно огляделся. Пилотское кресло могло похвастаться мягкой обшивкой приятной расцветки, высокими подлокотниками – но какие-либо фиксирующие приспособления в его достоинствах не значились.

Вид бесконечных рядов Большой Свалки в обзорном экране дрогнул... и резко, очень резко ушел вбок-вниз, сменившись сияющей россыпью звезд.

– Слетаем до Земли и обратно, – сообщила девушка, вешая над интерфейсом одно окно за другим.

Я неожиданно для себя залюбовался ею. Красивая – впрочем, в наше время окончательной победы пластхирургии стандартной красотой никого не удивишь. Другое дело, что представления о красоте у разных людей тоже разные – и когда этой разности набирается десяток-другой миллиардов... но именно эта девушка мне нравилась. Золотистые локоны до плеч – интересно, как она их в шлем-то укладывает, – тонкие черты личика, большие зеленые глаза... хм, никогда не замечал, что у лунарей настолько увеличенные зрачки.

– Трасса почти пуста, так что ходовые характеристики оценить сможете, – продолжила девушка. – Потом войдем в атмосферу, спустимся, полетаем у поверхности и обратно на орбиту. Устроит вас, милс, такая тестпрограмма?

– Вполне. – Я закончил прошупывать обшивку кресла и убедился, что никаких скрытых приспособлений она не содержит. Видимо, фирма «Мазда» верила в свои гравигеты. Мне тоже... хотелось в них верить.

– Разгон у нее не очень. Всего лишь... – девушка ткнула пальцем в столбик над сенсепанелью, который резво – слишком, на мой взгляд, резво – полз вверх. Верхушка его при этом становилась все краснее – забавное двусмысленное зрелище, но мне было не до шуток. – ...Двадцать семь же.

Я перевел взгляд на сектор реактора – там до красных зон было еще далеко. Пока далеко.

– Вот и трасса, – радостно заметила девушка. – Как я и говорила, почти пустая. Так что разогнаться сможем...

– А может, – начал было я, но изящный пальчик с перламутровым ногтем уже опустился на белый кружок, отозвавшийся на это протестующим пиликаньем.

– Вау! – выдохнул я, глядя, как звезды на экране растягиваются в черточки. Потом я снова глянул на сектор реактора – и начал постукивать пальцем по подлокотнику. Форсированный, да.

– Люблю скорость. – Девушка на миг оторвалась от интерфейса, поправляя сбившуюся на глаза прядь волос. – На Свалке есть один «джексон-призрак», я беру его иногда – полетать. Так здорово. Тритриевый реактор на пять ГэВ – и ты делаешь любого, как черепаху.

– Угу, – кивнул я. – Четыреста тысяч эко плюс налоги. И страховка.

– Вы не романтичны, милс, – обиженно сказала девушка. – Вот вам зачем понадобился космолет?

– Хочу заняться торговлей с Мирами.

– В самом деле?! – восторженно переспросила девушка. – Тогда беру свои слова обратно. Это же чертовски здорово – все эти маги, дворяне, рыцари, замки, колдуны, демоны...

– ...монстры, антисанитария, – пробурчал я, но девушка, похоже, не услышала.

– Мои родители, – продолжила она, – очень любили сказки – фэнтези, так это тогда называлось. Когда я родилась, долго спорили, как меня назвать – Морганой или Рыжей Соней.

– И что выбрали?

– Золушка.

– И как, – любопытствовал я, – уже нашли своего принца? Или хотя бы хрустальный башмачок?

– Пока нет, но я не теряю надежды. А как звать вас, милс?

– Вуко. Вуко Мракович.

– Интересное имя.

– Славянское. – Я решил не тратить время на изложение запутанной генеалогии своих предков, потому что увидел, как мне показалось, более насущную проблему. – А не пора ли нам...

– Теоретически, – задумчиво сказала Золушка, – на дистанции Луна – Земля мы не могли разогнаться настолько, чтобы щиты не выдержали удар об атмосферу. Но я все равно хотела проверить пиковое торможение...

Голубой шар, занявший уже почти весь экран, стремительно ухнул вниз. Я сглотнул подступивший к горлу комок, покрепче схватился за подлокотники...

И страшный удар вмял меня в спинку кресла, разом выбив воздух из легких. Десятая секунды, не больше – но какая же должна быть тяга, чтобы перегрузка на гравигеты дала не меньше сорока «же»!

– Ага, – радостно заявила Золушка, – гравигеты в список на замену! Теперь проверим экраны.

Протестующий вопль я издать не смог – по причине все того же отсутствия воздуха в легких. Слабое же мановение руки вряд ли могло быть истолковано таким образом, даже если бы моя спутница и соизволила хоть на миг отвлечься от экрана и озаботиться состоянием потенциального покупателя.

А голубой шар Земли снова вернулся на экран и теперь занимал его почти полностью, приближаясь очень быстро... слишком быстро!

Я даже не успел посмотреть, с какой скоростью мы врезались в атмосферу – слишком ярко полыхнули экраны, отгораживая нас тонким слоем плазмы. Думаю, это зрелище могли наблюдать все кенгуру Австралии – услужливый голосок инка сообщил, что мы нарушили воздушное пространство Канберры.

Прежде чем инк успел начать перечисление полагающихся за это кар, мы были уже над архипелагом Палау. Кресло подо мной мелко вибрировало – слабый отголосок бешеного мотания космолета.

– Экраны в порядке, – прокомментировала Золушка. – Мы даже не особенно разогрелись. Впрочем, окунуться разок-другой не помешает.

– Статья 112, пункт це, – пробулькал я из глубины кресла, – преднамеренное радиоактивное заражение...

– И не говорите, – вздохнула девушка, – эта лунная пыль такая мерзкая штука.

Мы успели окунуться целых три раза – это было уже за Гаваями, – прежде чем патрульный флаер объявился в пределах локатора. Наверное, он нашел нас по столбам пара...

– Неопознанный космолет, приказываю остановиться!

– «Краун-330-й». – Золушка смотрела на значок патрульного флаера, словно перед ней на сенспанели лежал редкий экземпляр болотного жука. – Интересно, на что он надеется? Даже если он сумеет удержаться у нас на хвосте, у него не хватит энергии для стрельбы.

– На торпеды? – предположил я.

Вопрос прояснился ровно двадцать секунд спустя – когда патрульный, убедившись, что на хвосте он у нас тоже не удержится, выпустил сразу две «Лавины». Самонаводящиеся протонные торпеды дальнего действия, как сообщил нам все тот же услужливый инк, – он, оказывается, умел их опознавать.

К моему сожалению, он не предупредил нас о том, что также умеет ставить активные помехи и выполнять маневр уклонения – инструктор Академии, помнится, именовал его «смерть таракана».

– Вы это называли «кое-какими дополнительными апгрейдами»?!

– Не только, – отозвалась Золушка, яростно стуча по сенспанели. – Тут должно быть еще... если только мне удастся снять блокировку...

– Сектор Красный А3? – с видом знатока предположил я.

– Если бы... система внешнего контроля... ага, вот... внешний прием... отрубает!

– За нами уже четверо, – сообщил я, глядя на россыпь красных искорок. К россыпи присоединялись все новые искорки. – Семеро. Дев... нет, одиннадцать.

– Прорвемся! – точно такое же выражение использовал инструктор, только он добавлял перед ним еще какое-то старинное русское... тоже выражение. – До береговой черты меньше сотни.

– Может, – осторожно предположил я, глядя на вырастающие на горизонте иглы скай-хаусов, – стоит перейти на дозвуковую?

– Успеем, – беспечно отозвалась Золушка, доставая из нагрудного кармана крохотную коробочку. – Сейчас вы, милс, сможете оценить маневренные качества этого пепелаца. «Червивый астероид», двенадцатый уровень... хотите? – внезапно спросила она, протягивая мне на ладони горсть крохотных зеленых капсул.

Двенадцатый уровень «Червивого»? Лучший игрок нашего курса сыплется на восьмом. А я и вовсе выше пятого не забирался.

– Что это?

– Стим.

– Нет, спасибо, – вежливо отозвался я, одновременно лихорадочно припоминая... ну да, год назад, Университет Общественных Проблем, лекция по фармакокинетике, тема: «Наркотики, производимые в орбитальных поселениях». Расширенные зрачки, маленькие зеленые капсулы... «джен-3»?!

– Не хотите, как хотите, – девушка на миг отвлеклась от экрана и одним движением ссыпала горсть капсул в рот. – Тогда – держитесь!

– Со стороны полиса выдвигается местная полиция, – предупредил я, – не меньше двадцати машин.

– Эти-то, – пренебрежительно покосилась на новую россыпь искр Золушка. – Не смешно. У них прицелы не рассчитаны на такую скорость.

– Не смешно, – согласился я. – Но в полисе нам все же придется ее сбросить.

– Зачем?

В этот миг я пожалел, что отказался от наркотика, – давно уж мне не приходилось слышать в чьем-то голосе столь искреннее удивление.

Мы все же перешли на дозвук – над самой береговой линией. Хорошая погода – все побережье было усыпано разноцветными пятнышками яхт, скутеров, легких скиммеров и прочей отдыхающей публикой. Яхтам не повезло.

Потом я отвернулся от экрана – с тем же успехом можно было смотреть на настроечную таблицу приемника дальсвязи. Локатор выглядел поприятнее – демонстрируемая им голосхема все же позволяла получить какое-то представление о происходящем. Если бы эти постройки еще не мельтешили так быстро...

– Ага, – радостно заявила Золушка, – вот оно.

– Что?

– Штаб-квартира синдиката «Девон».

– И? – Я пока еще не понимал, почему черная пирамида трехкилометровой высоты может вызвать у принявшего «джен-3» человека какие-то особенные эмоции. Разве что... «Девон» специализируется на парфюмерии, а Золушка все же девушка...

– У них есть собственные средства ПВО.

– Которые не откроют огонь, даже если будет непосредственная опасность столкновения, – сказал я. – Синдикату не нужны судебные иски.

– Они откроют ответный огонь. – Девушка вновь зашуршала по сенспанели. – Если будут спровоцированы. Как раз к тому моменту, когда полиция окажется в зоне их поражения.

– Код активации принят, – сообщил голосок инка. – Активированы оружейные системы ближнего боя. Система наведения остается под запретом. Ручное наведение...

И в этот момент я ударил. Ребром ладони – наотмашь по горлу.

* * *

Бар Корин появился пятнадцать минут спустя – в обломках двух сбитых полицейских флаеров уже перестали вспыхивать разряды. Он уронил свой флаер за ограждение, небрежно отстранил бросившегося было наперехват полицейского лейтенанта – тот так и остался стоять с распахнутым ртом – и направился прямиком ко мне.

– Докладывайте.

Я доложил, сумев уложиться ровно в три минуты сорок семь секунд – чему-чему, а уж умению выражать свои мысли точно и сжато в Академии учили еще раньше, чем летать. Напоследок я даже перечислил статьи обвинения, которые собирался предъявлять мне мнущийся за спиной Корина толстенький полицейский капитан. По совокупности они тянули примерно на 500 лет «десятого круга» – Меркурий оттуда кажется курортом для избранных.

– Ясно. – Бар Корин глянул на небо, точнее, на нависшую метрах в трехстах пелену смога, и брезгливо поморщился. – А где эта... главное действующее лицо.

– В флаере медслужбы, в реанимационном отсеке. Точнее, – я качнулся, заглядывая за спину шелдонца, – в данный момент она находится в процессе...

– Процессе чего? – осведомился Корин, медленно оборачиваясь.

Я не ответил, увлеченный открывшимся мне зрелищем – четверо полицейских в легком «уличном» доспехе пытались выволочь из флаера медиков девушку, всю одежду которой составляли несколько обрывков комба и, кажется, трусики. Очень хрупкая и беззащитная фигурка... но без подкрепления в виде двух санитаров копы вряд ли бы справились.

Интересно, зачем медики раскромсали ее комб? Ладно бы только верх – предположим, им требовался совершенно свободный доступ к гортани. Но нижняя-то часть совершенно автономна. Извращенцы...

– Как, вы сказали, ее зовут? – спросил Корин, глядя вслед полицейскому флаеру.

– Золушка, сэр.

– У вас ведь, кажется, есть героиня сказки с подобным именем?

Я молча кивнул.

– В наших летописях тоже зафиксирован подобный случай. – Показалось мне или в голосе Корина и впрямь промелькнула некая нотка сентиментальности? – 831 год от воцарения Диввелькринга Могучего, основателя рода Вельков. Девушку звали, кажется, Даэга, а наследника... – Бар Корин резко оборвал фразу. – Вы верите в судьбу, Вуко?

– Иногда, сэр.

Мне крайне не хотелось посвящать Бара Корина в тонкости моих личных философско-религиозных воззрений. Во-первых, по моему глубочайшему убеждению, ни время, ни место не располагало к подобным излияниям, во-вторых, они были настолько сложными и запутанными, что вряд ли мне удалось бы сделать это без трех-четырех пакетов хорошего глюколова, а в-третьих...

Бар Корин неожиданно вскинул голову вверх, и я машинально повторил его жест.

Из серой пелены смога точно над нами вывалились несколько десятков необычайно крупных дождевых капель, медленно, словно в рапидной съемке, долетели до земли и с громким треском разбрызгались о коричневую шершавость гланца у наших ног.

– Мракович...

– Да, сэр?

– Вы ведь учились на стряпчего?

– Простите?

– На судейского, на...

– ...на юридическом, – закончил я.

Это был мой первый университет. Собственно, именно полученные там знания и подтолкнули меня на скользкую тропинку общественного трутня. К сожалению, быть юристом в Федерации далеко не столь престижно и прибыльно, как, скажем, в Американской Империи начала века. Правда... смог, например, был тогда не чета нынешнему – могучий выхлоп миллионов углеродных двигателей, а не жалкие последствия дриллэффекта.

– И что вы скажете об этих... обвинениях, – Бар Корин слегка, самым уголком рта, улыбнулся мне, и это мимолетное движение, равно как и столь же мимолетная запинка перед словом «обвинениях», окрылили меня лучше любого пинка под зад, – с профессиональной точки зрения.

– Ну, – сказал я, – в общем, капитан предположил все правильно.

Полицейский при этих словах округлился еще больше и попытался проскользнуть мимо Корина поближе ко мне.

– За исключением, – задумчиво добавил я, – одного небольшого эпизода.

Капитан настороженно замер.

– Он неверно определил мой статус.

– Поясните, – улыбка Бар Корина стала чуть шире.

– Ну, это очень просто, – сказал я. – Дело в том, что я не преступник. Я заложник.

Тень улыбки пропала.

– Bravo, – по отсутствию эмоций тон Бара Корина мог бы соперничать с лучшими моделями дверных замков. – А что скажете вы? – развернулся он к капитану.

– Но... – после моей последней фразы капитан уже не так походил на воздушный шарик, разве что на полусдувшийся. – Я протестую! Это вопрос до...

– Впрочем, – все тем же бесцветным тоном прервал его Бар Корин, – это никому не интересно.

Уф. Кажется, это был всего лишь тест – и я его прошел.

– Поскольку дело имеет взвешенный статус, – продолжил Бар Корин, – оно автоматически попадает в сферу СБ. Впрочем, оно туда попадает в любом случае – в нем замешан сотрудник СБ, а это уже компетенция отдела внутренних расследований.

У меня по спине пробежала пара батальонов мурашек. Если мной займется «инквизиция»... тогда я могу не опасаться «десятого круга» – то, что остается после «инквизиторов», годится лишь к выбросу на свалку.

– Я протестую...

– Я не закончил! – с нажимом произнес Корин. – У меня нет ни времени, ни желания затевать официальную тяжбу. Поэтому вам придется, – он сунул руку в карман и, вытащив оттуда маленький прямоугольник, похожий на VIP-визитку, протянул ее капитану, – ограничиться вот этим.

Коп смешно наклонил голову, вглядываясь – и, с четко различимым чавком, разинул рот и выпучил глаза, сразу сделавшись похожим на выброшенную из воды рыбу.

Мне очень захотелось последовать его примеру – я *понял*, что именно предъявил ему мой новый шеф.

У сотрудников СБ существует несколько разновидностей так называемых карт-бланш – документа, дающего им право на всяческие официально недозволенные действия, на которые не хватает их обычного статуса. Низший, синий, «Слово и дело» – который, кстати, я должен буду получить у Йорунги после прохождения курса психотренинга, – право производить аресты с нарушением процессуальных норм, нарушать право на неприкосновенность без санкций и прочие, облегчающие повседневную рутину, приятности. Средний, красный, «Два ноля», он же «мочить в сортире», так его называют остряки, – право самостоятельно выносить приговоры и приводить их в исполнение. Ну и высший, золотой, «Дай порулить», – перехват управления у всех чиновников Федерации вплоть до планетарного уровня – это уже для высших чинов.

– Рекомендую вам, – донесся откуда-то издали язвительный голос Корина, – сосредоточить усилия ваших подчиненных на синдикате «Девон», а именно – на несоответствии степени готовности его ПВО законодательно определенным параметрам.

Только... ходят по миру мрачные слухи о еще одной разновидности служебной «пайзцы» – бесцветном. Не для высших чинов – для избранных. О маленькой такой прямоугольной пластиночке, напичканной мощнейшей опознающей интелкторникой, на поверхности которой личной подписью президента Федерации санкционировано *все*.

Вау! Если Бар Корин вот так запросто размахивает фишкой, способной рулить мегалинкорами Флота Открытого Космоса... или приказать им прогреть Машины Судного Дня... Боже, куда я влип?! Где тут выход?! Катапульта?! Кнопка «СОС»? Кнопка «Ресет»?!

Впрочем – совершенно самостоятельно от головы подумали враз ставшие ватными ноги, – выход в подобных случаях обходится обычно куда дороже входа.

– Эта, – голос Бара Корина вывел меня из фамильно-суицидального состояния, – драконья отрыжка в нормальном состоянии?

Я задумчиво уставился на «Мазду». Откровенно говоря, мысль о том, чтобы вновь оказаться на ее борту – да что там, на борту любого космолета! – в ближайшие несколько часов могла вызвать у меня приступ, и отнюдь не восторга. Но сказать «нет» Бару Корину...

– В ходе тестового полета выявилась недостаточная надежность компенсирующих гравитационных генераторов, – сказал я. – Других серьезных недостатков не замечено.

– Хорошо, – Корин кивнул. – Поскольку мы все равно конфискуем этот космолет...

А может, все не так уж плохо? Хотя денег сэкономлю... на что-нибудь приятное.

– То выделенные вам на приобретение транспортного средства финансы будут переведены обратно, – закончил Бар Корин. – Очень хорошо. Следуйте за мной.

– Но... – начал было я.

Как оказалось, полковник СБ умел двигаться удивительно быстро – я еще только соображал, что стоило бы закрыть распахнутый рот, а серая стеклоткань куртки уже исчезла в проеме флаера.

Просто замечательно. Особенно с учетом того, что у меня просто-напросто нет доступа к управлению «Маздой». Черт, да я даже внутрь не могу...

Я опрометью бросился к столпившимся вокруг пепелаца копам, схватил за рукав форменки того, что стоял ближе к входу, и, махнув перед его ошеломленной рожей удостоверением, скомандовал: «Открыть!»

– Чего-о? – У меня не было времени дожидаться, пока этот олух пропустит мою команду через все свои две с половиной извилины. Поэтому пришлось самому срывать с его пояса полицейский локет, вкладывать в его руку и со всей силы шлепать о сенсор.

Сработало.

Я вихрем взлетел в рубку, на ходу раздергивая заглушки комба. Плюхнулся в кресло пилота, несколько секунд лихорадочно осматривал сенспанель и, издав восторженный вопль, вбил торец служебной фишки в имеющийся-таки стандартный брик-разъем.

– Попытка перехвата управления, – жалобно пискнул космолетный инк, – вирусная атака третьего класса. Пытаю... – Писк оборвался, сменившись монотонным жужжанием.

– Взлет! – заорал я.

Снаружи донеслись какие-то неразборчивые крики. Бросив взгляд на боковой обзорник, я увидел, что один из копов попытался уцепиться за оставшийся раскрытым вход. К его счастью, трое повисших на нем коллег сумели оторвать безумца прежде, чем пепелац набрал сколь-нибудь значительную высоту.

– Круговое сканирование! Поиск легкого флаера «ши-ми» светло-коричневого цвета!

– Поиск безрезультатный, – сообщил инк. – Обнаружен... – добавил он после крохотной заминки, – стандартный флаерный ответчик-отражатель для внутригородских трасс, совершающий самостоятельный полет.

Умный, да.

– Следовать за ним!

Можно было предположить, что флаер СБ не будет обнаруживаться стандартным сканированием. Но и просто летать в режиме «невидимки» в кишашем леталками небе полиса – удовольствие ниже среднего. Надо полагать, при нужде ответчик просто выключают.

И все-таки я опоздал. Не потому, что упустил флаер Бара Корина, – он не пытался «страхнуть» меня с хвоста да и вообще не особенно скрывал конечный пункт своего маршрута – Лейтстрит, 303. Только... флаер Бара Корина умел подавать сигналы для служебного шлюза, а инк фишки категорически отказался это сделать.

В результате мне пришлось потратить пять минут на поиск ближайшей стоянки, согласной принять космолет, и еще пятнадцать – на дорогу от нее до здания Конторы. Так что сообщение инк-секретаря, что в кабинете полковника уже имеется посетитель, меня не удивило. По крайней мере, гораздо меньше, чем приказ пройти внутрь, невзирая на наличие этого самого посетителя.

Что ж, приказы начальства надо выполнять. Что я и проделал. Зашел... и замер в остолбенении.

Глава 4

Медалью «за исполнение интеррасового долга» награждаются... посмертно...

Список людей, которых я *не ожидал* увидеть в кабинете Бара Корина, был достаточно мал – после увиденной карточки с подписью Его Верховенства я готов был ожидать достаточно многого – вплоть до самого Прощельги Джима. Но вот эту златокудрую головку...

– А, Вуко, – Бар Корин был настолько увлечен беседой, что даже не соизволил повернуть голову в мою сторону. – Проходи, присаживайся.

«...гостем будешь, разговор будет долгий», – мысленно закончил я, падая в кресло. Кресло подвернулось вовремя – ноги держать меня уже отказывались.

– Так на чем мы с вами остановились, милейшая? – давненько мне не приходилось слышать столь вальяжный тон.

– На отсроченном приговоре, – спокойно ответила Золушка.

– Совершенно верно. Так вот, согласно существующим...

– ...нормам законодательства, – сообщил я из глубин кресла.

– ...этим самым нормам, мы вправе отсрочить исполнение приговора...

– Вами же вынесенного.

– ...вынесенного в соответствии с теми же нормами, до... – полковник задумчиво устоялся на вазу в углу, – скажем так, до срока. А впоследствии и вовсе пересмотреть меру наказания – в связи с появлением у обвиняемой заслуг перед Федерацией.

– Заманчивое предложение, – на этот раз голос Золушки уже не казался мне странным, да и зрачки выглядели вполне обычно. Ну да, наверняка медики, увидев результаты кровавого анализа, просто-напросто подключили ее к фильтру... редко когда современный человек бывает настолько трезвым.

– Могу ли я обсудить его со своим адвокатом?

Я *очень* старался не обращать внимания на тот факт, что с того момента, когда я видел юную террористку в последний раз, количество и качество одежды на ней особых изменений не претерпело. Конечно, нынешние модельеры позволяют себе достаточно вольностей... все же со времен Второго Джихада минуло добрых два десятка лет, но редко когда выпадает возможность столь явственно убедиться в идеальной форме груди своей собеседницы... левой.

– Разумеется, юная леди, – любезности в голосе Корина было настолько много, что я почти не удивился продолжению фразы. – Вы даже можете сделать это тотчас, ибо ваш адвокат находится перед вами, – полковник повел рукой – кажется, это называется «сделать широкий жест» – в мою сторону.

– Оперативный сотрудник Мракович обладает весьма глубокими познаниями в области...

– ...юриспруденции, – закончил я. – Моисеевский университет.

– Магистратура? – недоверчиво прищурилась девушка.

– Первый семестр, – «успокоил» я ее.

– Оно и видно.

– Я думаю, – в голосе Корина появился новый оттенок – безмятежность, – что вы, уважаемая, можете полностью довериться сотруднику Мраковичу. Более того, я искренне рекомендую вам сделать это. Между напарниками не должно быть никаких недомолвок и разногласий.

Что?!

Золушка выразила свои мысли несколько иначе. Интересные выражения... я не считаю себя знатоком лунарского сленга, он, на мой взгляд, слишком уж пересыщен техническими терминами, но то, что я понял... впрочем, это невыполнимо с точки зрения анатомии.

– Вы сказали все, что хотели? – невозмутимо осведомился Бар Корин, когда моя – о, ужас! – будущая напарница закончила перечисление своих пожеланий по адресу СБ вообще и лично полковника. – Что ж, приятно видеть, что чувство юмора не отказало вам даже в столь сложной ситуации.

– Я подам прошение в Арбитраж!

– Факт подачи прошения, – сообщил я, внимательно изучая потолок, – не считается основанием для приостановки действия приговора... а рассмотрение дела в МПА занимает от трех до двадцати стандартных лет.

– Но...

– Достаточно, – голос Бара Корина был все так же обманчиво тих, но сейчас он стоил иного удара кулаком по столу. – Вам, любезнейшая, были достаточно подробно изложены открывающиеся перед вами перспективы – как в случае сотрудничества с нами, так и в случае возможного отказа от оногo. Увы, но запасом времени на размышления я вас снабдить не могу – ответ мне нужен немедленно. Итак, ваш выбор?

На этот раз девушка выражала свои мысли значительно цветистее... и дольше.

– ...и всю вашу планету, – закончила она через три минуты сорок – как сообщил мне слегка удивленный инк фишки – семь секунд. – Где я должна поставить крестик?

– Нигде.

– Шутите?!

– Никаких шуток, – сказал я. – Это одна из старейших традиций СБ – для «зачисления в ряды» требуется лишь устное согласие. Даже странно, что ты этого не знаешь.

В моем случае, кстати, обошлись и без этой формальности – я стал эсбэшником де-факто.

– В самом деле? – недоверчиво переспросила девушка. – Это в наше-то время...

– Данная шутка, – пояснил я, покосившись на Бар Корина – тот, похоже, просто-напросто забавлялся, слушая наш диалог, – негласно подразумевает, что у СБ хватит желания и возможностей проконтролировать выполнение этого соглашения... очень тщательно проконтролировать.

– И при этом интервид уверяет нас, что мы живем при неодемократии, – хмыкнула Золушка. – А стоит чуть копнуть, и наружу вылезает обычная полицейская диктатура.

– Думаю, – Бар Корин встал, и мы, чуть замешкавшись, последовали его примеру, – вы можете продолжить эту увлекательную беседу где-нибудь вне моего кабинета.

– А разве моей, – чтобы выговорить следующее слово, мне пришлось применить к языку меры психологического воздействия, – *напарнице* не будет положена шпага?

– Не думаю, – скептически заметил полковник, – что шпага является подходящим выбором для этой юной леди. Возможно, лук или...

– В детстве, – мечтательно вздохнула Золушка, – я очень ловко метала вилки. С пяти метров – в глаз... крысе.

– Нисколько не сомневаюсь в этом, а также в других ваших многочисленных талантах, – отозвался Бар Корин. – Да, еще... Мракович, завтра я жду от вас отчета.

– Отчета о чем? – поинтересовался я у закрывшейся двери кабинета полковника. Дверь, равно как инк-секретарь, мой вопрос проигнорировала.

– И? – Я решил последовать примеру двери, и Золушке пришлось развить свою мысль: – Что дальше?

– Не имею ни малейшего представления, – чистосердечно сознался я. – А что, есть идеи?

- Идей нет, – мрачно отозвалась напарница. – Есть пожелания.
- Те, что ты адресовала полковнику? Прости, но я не любитель экстремального секса.
- Привыкнешь. Но на самом деле мне сейчас больше всего хочется напиться – до потери памяти, а в идеале, сознания. В этом склепе найдется подходящее местечко?
- Сейчас узнаю, – пообещал я, активируя фишку. – В крайнем случае выйдем наружу...
- В таком виде?!
- А что, очень приятный вид, – заметил я, отшатываясь назад, – как раз вовремя, ибо свистнувший перед носом каблук означал отнюдь не пощечину. – Не волнуйся, после третьей банки он перестанет тебя беспокоить. Объективная реальность такова...
- Объективная реальность, – перебила меня Золушка, – есть бред, вызванный недостатком алкоголя в крови. Лучше шевели ногами... напарник.

* * *

Для начала я все же решил придать своей напарнице более приемлемый обществом вид. Как решить эту проблему самостоятельно, я не знал, инк фишки – черт, как надоело беседовать с безличностной интеллектроникой! пройду через мясокрутку гипнуров, первым делом перепису ему настройки! – тоже не смог подсказать ничего умного. После недолгого раздумья я переключил фишку в режим обычной брик-связи, вызвал Йорунгу и изложил возникшую проблему ему.

Первое правило несовершенства ИР-а – искусственный разум сможет считаться настоящим разумным лишь тогда, когда научится перекладывать свои обязанности на другой ИР.

Естественно, для начала капитан заржал – ноль минут тридцать две секунды, – а отсмеявшись, сообщил, что в здании имеется некое хранилище мелкого конфиската, в отношении которого допускается использование сотрудниками СБ – в случае острой служебной необходимости. Причем остроту необходимости, как правило, сотрудник определяет сам – важно лишь не наглеть и не пользоваться данной привилегией слишком часто.

К нашему счастью, одежда в этом хранилище имела, причем даже такая, которую моя спутница согласилась надеть – чем немедленно и занялась. Я отвернулся... хотя... меня ведь об этом не просили.

– Ну как?

– Клево, – облегающий комб цвета темно-синий металлик, чья строгая однотонность была слегка разбавлена разноцветными скрепками и клипсами, действительно был неплох. – Только...

– Что, вырез маленький?

– Нет. Скрижжер. Положи на место.

– Зачем? – Я уже слышал сегодня этот вопрос. Заданный тем же искренне изумленным голосом. – Это же последняя модель, он в шопе стоит...

– Знаю. Именно поэтому – положи!

Золушка выразительно посмотрела на меня, совершила не менее выразительный жест у виска, но приказ все же выполнила. Повезло. Мне очень не хотелось объяснять медикам, почему с одного и того же брика в течение часа поступило два совершенно одинаковых вызова – как по пациенту, так и по диагнозу.

Место для массажированного принятия внутрь спиртосодержащих жидкостей также насоветовал Йорунга. Минус семнадцатый – впрочем, я бы совершенно спокойно отнесся даже к тому, что дверь лифта открылась в приемную Властителя Подгорных Гномов.

Смешно, но я почти угадал – кафетерий «Яр», не значившийся на планах у фишки, был стилизован под Мирскую таверну, и в нем действительно имелись гномы – количеством

две штуки. Точь-в-точь такие, как показывали по интервиду – плотные, кряжистые бородачи ростом чуть выше метра. Только у этой конкретной парочки отсутствовали боевые топоры и кольчуги, зато на широких поясах наряду с обычным мелким кузнечным инвентарем болтались вполне земного вида приборчики – портативный спектр-анализатор я опознал точно, – а на лбу одного вместо клановой повязки наличествовала детская модель инфора. На столике перед ними громоздились две... ну, судя по ручкам, это были все же кружки, хоть и с небольшой бочонок размером. Еще один редкий пример успешного сотрудничества, надо полагать.

Моя спутница немедленно, забыв обо всем на свете, уставилась на них. В результате мне пришлось волоком тащить ее к стойке, усаживать, самостоятельно делать заказ... и, обернувшись, оказываться нос к носу с тем из гномов, который был в повязке. Судя по его виду, он был весьма недоволен тем, какое внимание оказывает моя напарница их скромным персонам.

– Кыгх рразгым рашшарди! – проревел он мне в лицо, шаря при этом рукой в воздухе справа от поясицы – там, где, по моим представлениям, как раз должна была располагаться рукоять боевого топора.

– Эш назг дурбатулук... – отозвался я еще прежде, чем инк фишки услужливо сообщил мне перевод гномьего высказывания: «Какого пи-и-п твоя би-и-ип девка пялится на нас?»

– Ху-у?

– Просто она никогда не видела подобных вам людей, – сказал я. – Дикарка из очень далекой деревни, впервые в большой город попала. Она так целый день ходит.

– Гы-бу-у. – Похоже, мое объяснение удовлетворило бородача. По крайней мере, он не стал пытаться раскроить мне череп первыми же подручными предметами – массивная деревянная мебель «Яра» внушала в этом отношении куда большие опасения, чем стандартные пластиковые поделки, – а направился обратно к своему соплеменнику.

– У этих пи-ип пи-ип-нутых человек все бабы – би-ип би-ип, – инк фишки решил продолжить работу в режиме синхронного перевода. – Зато какой у них эль! – это была реплика гнома с инфором, после чего оба мирянина дружно погрузились в пенные холмы своих кружек.

– Что он тебе сказал?

– Он очень вежливо попросил меня, – не моргнув глазом соврал я, – чтобы я попросил тебя не смотреть на них столь пристально. Дело в том, что они не привыкли к знакам внимания со стороны столь красивых дам, и их это немного... смущает.

– Как галантно, – восхитилась девушка. – А ты... ты...

– Сказал ему правду в доступном для него виде. – Я перегнулся через стойку, пытаюсь разглядеть севра, без вести пропавшего с моим заказом. – Если хочешь, я дам тебе фишку и ты лично попробуешь объяснить им, что такое Луна, насколько просто добраться оттуда до Земли, а также как часто и в каком виде демонстрируют их по интервиду... ну наконец-то!

– Что это? – с подозрением осведомилась Золушка, глядя на множество разноцветных слоев, заполнявших выставленный перед ней стакан. – Себе-то ты... – Она приподняла игрушечный зонтик над моим стаканом и распахнула глаза еще шире – «адская спираль» производит сильное впечатление на неофитов.

– То же самое, но вертикально, – сообщил я. – Один из самых популярных коктейлей курсантов Академии ВКС. Валит с ног не хуже выстрела из гауссера... только не спрашивай меня про его химический состав.

Я бы все равно не смог воспроизвести его – виденная мною мельком формула занимала полторы страницы блокнота, исписанного очень убористым почерком. То, что в этой подвальной кафешке сумели его сварить, – достаточно удивительный факт, учитывая, что в Академии для этого используется лаба химфака... хотя чему я удивляюсь, это же подвал СБ!

– А может, ты хочешь просто-напросто отравить меня? – задумчиво предположила девушка. – Впрочем... твое здоровье, напарничек, – выдохнула она и, схватив стакан, залпом осушила его прежде, чем я успел вставить хотя бы слово.

– О-о-оу! Мама!

– Вообще-то «адскую спираль» не пьют залпом, – меланхолично заметил я. – Но, раз ты настаиваешь... – И одним движением опрокинул стакан себе в рот.

Не самый разумный поступок.

Одним из побочных свойств «адской спирали» – если принять за основное максимально эффективное насыщение организма спиртом – является кратковременный отруб оперативной памяти. Минуты на три. Поэтому среди курсантов считается хорошим тоном заглотать стакан «спирали» перед виртполетом – «поглядим, чего стоят твои рефлексy, салага!».

По истечении этих трех минут я обнаружил себя сидящим за столом. Передо мной стояла огромная кружка, до краев наполненная... ну, больше всего это походило на лягушачью икру, сквозь которую время от времени всплывали крупные пузыри. А напротив меня сидел гном с инфором на лбу, задумчиво попыхивая трубочкой. Дым был душистый. Он навевал мысли о лете, пасторальном пейзаже... статье за употребление стимуляторов никотиновой группы.

Я скосил глаза – Золушка сидела справа от меня, зажав в руках аналогичную кружку, и второй гном – тот самый, что подходил к нам, – перегнувшись через стол, увлеченно шептал ей на ухо... залихватистый смех моей напарницы наводил на разнообразные мысли, но инк фишки утверждал, что речь идет о схеме тягового реактора пепелаца.

– Знаешь, – неожиданно обратился ко мне гном напротив, – что я тебе скажу, Вуко... не слушай ты свою дев... компаньоншу. Все эти цветы, тряпки... пилюли для смеха... воистину смеху оно и подобно.

Я от души порадовался, что микрофон фишки обладает высоким уровнем чувствительности – поскольку говорил гном, продолжая грызть черенок трубочки, вряд ли бы я сумел понять его, излагай он свои мысли на всемирном.

– Скажу тебе как другу, – пыхнул гном очередным клубом дыма. – Ибо, хоть и знакомы мы недолго весьма, пришелся ты мне по сердцу. Забудь об игрушках этих детских. Оружие – вот настоящий товар! Хорошим оружием мужчине торговать не зазорно – почетно, а у вас, чужинцев, оружие знатное.

– Меня посещали схожие мысли, почтеннейший, – к счастью, я сообразил запросить фишку, и пауза была совсем крохотной, – Кайл О.

– Хорошее, верное дело, – одобрительно кивнул гном. – Войны угодны богам, а земля любит, когда ее поливают кровью.

Бр-р-р. Маньяки!

– Вы – молодцы! – продолжил гном. – Вы далеко прошли по дороге войны. Я спросил эту штуку всезнания, – гном постучал по дужке инфора, – сколько способов убивать известно ей? Большое число! Мне крепко учили *арифмо*, но такое число – надо сто гномов, чтобы запомнить его!

– Спасибо, – пробормотал я, – очень польщен. Мы старались.

– Там, на Мирах, – гном выдохнул колечко дыма в сторону стойки, – дураки! Тысячелетия... уйму проклятых тысячелетий они думали об оружии – драться один на один. Даже маги – большой бум, но только против другого мага. Не войска. Ваши умники – мудрые! Делали так, чтобы один – убивать многих. Издалека – так лучше.

– Они хотели другого, – пробормотал я, – совсем другого.

Доктор Гатлинг, Нобель, капитан Шрапнель, профессор Вей Синь... они хотели сделать войну столь страшной, чтобы человечество ужаснулось – а человечество радостно заво-

пило и, подхватив очередную апгрейdnутую дубину, понеслось вперед. По дороге, вымощенной благими намерениями.

– Думаю, – гном наконец соблаговолил вынуть черенок трубки изо рта, – учиться у вас многому можем...

Аларм! Аларм! Аларм!

Я еще успел увидеть в замедленном режиме, как, медленно вращаясь, улетает в глубь зала входная дверь, как в образовавшийся проем ломится толпа – пять-шесть рыл, по виду классические бойцы уличной джиги, – как *очень медленно* разрядник «эрма-элиза» в лапшах переднего разворачивается стволом в мою сторону. А потом боевой чип окончательно вышел на рабочий режим и, перехватив управление, оставил мозг на голодном пайке обрывочных кадров.

Кадр первый: Золушка начинает поворачивать в мою сторону недоуменное личико, находясь при этом на полпути к полу. Кружка, летящая донцем вперед, преодолела две трети пути к цели – лбу джигмена с разрядником, а ее содержимое уже начало расплескиваться у него между глаз.

Кадр второй: оглушенный и ослепленный джигмен все же успел нажать гашетку – и три килоджуоля разряда «эрмы» проделывают здоровенную дыру в летящем столе – к счастью, назад летит не так уж много щепок.

Кадр третий: раскрашенные рожи совсем близко, тот, что справа, опускает глаза полюбоваться на новое украшение своей грудной клетки – отличная фигурная, с любовью выточенная из дерева ножка стула. Ну а что ты хотел, любезный, тут уж или-или: или не отращивай такие клыки, или ходи в бронекостюме.

Кадр четвертый: я лежу на полу лицом вверх и люблюсь на пролетающие надо мной шарики плазмы. Кажется, оба джигмена уже успели понять, куда *теперь* направлены стволы их пушек, но... пока медлительные нервы передадут импульсы пальцами на гашетках... люди! Не стреляйте друг в друга... очередями!

Кадр пятый: последний джигмен, как-то странно искривив рот – верещит он, что ли? – отбрасывает в сторону пушку, а в его зеркальном нагруднике отражается... черт, неужели это у меня такая рожа под чипом? Ну и мерзкая же! Одна ухмылочка чего стоит!

И ведь, что обидно, никому не пожалуешься!

* * *

– А теперь, – мягко сказал Бар Корин, – я бы хотел услышать *ваши* объяснения.

– Собственно, – начал я, – мы мало что можем сказать. Сидели... пили...

– С гномами, – уточнил полковник.

– Да. Никого не трогали...

– А потом ворвалась уличная банда и начала пальбу, – закончил Бар Корин. – Так?

– Ну, – замаялся я, – примерно.

Камеры наблюдения все равно покажут, что джигмены были атакованы мной раньше, чем начали стрелять, – этот факт особо не замаскируешь.

– Обычное дело, не так ли? – осклабился Бар Корин. – Случается чуть ли не ежедневно... только не в кафе в подвале штаб-квартиры СБ, отсутствующем, к слову сказать, на всех служебных планах. Кстати, откуда вы про него... впрочем, догадываюсь – Йорунга сказал?

Я кивнул.

– Во сколько, по-вашему, обошлись проходческие работы по доставке этой банды?

– Тысяч семьдесят? – предположила Золушка.

– Не меньше ста десяти. И все ради того, чтобы ликвидировать двух простых, ничем не примечательных...

Как же, как же!

– ...горных гномов. Не кажется ли вам, – Бар Корин в очередной раз пробуравил меня своими прожекторами, – что затраченные усилия несколько неадекватны предполагаемому результату?

– Именно это сообщил нам единственный... уцелевший, – сказал я. – Может, мозготряска остальных даст больше?

– Сомневаюсь, – недружелюбно отозвался полковник. – Возможно, если бы вы не обошлись с главарем столь неаккуратно...

– Виноват, – вздохнул я. – Мне просто в голову не пришло, что командир может столь глупо ломиться впереди эскадрона. Но я все равно не собирался уничтожать его так капитально. Просто ему не повезло.

Это и в самом деле вышло случайно. Ну, если до конца честно, скажем – полуслучайно. Я рассчитывал всего лишь разможжить ему кадык, и то, что он именно в этот момент в очередной раз нажал на гашетку – неудачное совпадение. В конце концов, я сам пострадал – когда на расстоянии вытянутой руки разряд в три килоджоуля разносит чей-то череп, это, мягко говоря, неприятно. Брызги, костяные осколки с острыми краями... легкая контузия.

– Уничтожать капитально, – задумчиво пробормотал Корин, – это вы хорошо сказали. И это, Мракович, подводит нас к самому интересному – откуда у вас боевой чип? О котором нет упоминания ни в одном файле.

– М-м, – замаялся я. – Дело в том... я же курсант Академии... был им до недавнего времени.

– Были, – согласился полковник. – Но боевые чипы имплантируют пилотам истребителей только после окончания *полного* цикла обучения и приведения к Присяге, не так ли?

– Совершенно верно, сэр. Но поскольку я не собирался завершать полный цикл обучения, то был вынужден решиться на нелегальную операцию.

– Зачем?

– Мне понравились предоставляемые этой штучкой возможности, – сказал я. – И, когда подвернулась возможность сделать это за приемлемую для меня сумму, я решил, что подобный козырь в рукаве может быть очень полезен в жизни.

– Звучит правдоподобно, – хмыкнул Бар Корин, – но кто может поручиться, что у вас нет других... камней за пазухой? Например, бит-карты разведки ВКС?

– Но ведь у ВКС нет разведки! – удивился я. – Указ об Ограничении Полномочий: «запрещается подразделениям ВКС вести самостоятельную разведдеятельность нетехническими средствами».

– Такой закон есть, – согласился полковник. – Но есть также контрразведка ВКС, которая порой толкует свои задачи весьма широко... свято исповедуя принцип «лучший способ защиты – нападение». А еще есть шестой отдел Истребительного Командования – никогда не слышали о таком?

Допустим. А вот ты-то откуда о нем слышал? В комиксах вроде пока не печатали?

– Ладно, – вздохнул Бар Корин, так и не дождавшись моего ответа. – На самом деле я должен вынести вам благодарность... от лица службы. За вашего туза в рукаве, столь своевременно введенного в игру. Вы сорвали чьи-то очень крупные планы.

– Служу Федерации! – выдохнул я, вскакивая в стойку «смирно».

– Вы не в Академии, Мракович, – поморщился полковник. – Сядьте.

– Постой, – вмешалась Золушка. – У тебя чип пилота?

– Пилота-истребителя.

– И какая от него польза в коридорной драке?

– Боевой чип не специализирован под конкретный тип корабля или оружие, – пояснил я. – Он вырабатывает оптимальную тактику для любой обстановки... используя навыки и опыт носителя. Разве то, как я дрался, похоже на мув-боевики?

– Не знаю... все было так быстро...

– Если ближний бой в замкнутом пространстве длится больше десяти секунд, – иронически заметил Корин, – значит, это не бой, а фиглярство для зрителей. Особенно когда одна сторона имеет столь подавляющее огневое превосходство. Вы, юная леди, можете добавить к словам вашего напарника что-нибудь по существу дела?

– Учитывая, что большую часть боя я провела на полу, пытаясь выбраться из-под неожиданно тяжелого гнома, – нет!

– Ясно. Свободны оба. И, Мракович, – полковник очень точно уловил момент, когда я перешагивал через порог кабинета, – не забудьте про отчет.

На этот раз я уже не пытался уточнить у двери, что именно должно содержаться в этом злополучном отчете. Похоже, Бар Корин хорошо усвоил земные принципы руководства подчиненными – иди туда, не знаю, за чем, и, как бы ни обернулось дело, я начальник – ты дурак.

Впрочем... кто сказал, что в Мирах дело обстоит иначе? Путь развития цивилизации на степень идиотизма ее среднего представителя не влияет.

– И куда теперь, напарничек?

Надо было мне первым задать этот вопрос!

– Идея напиться, – продолжила Золушка, – провалилась с треском.

Да уж. Чего-чего, а треска было много.

– Какие будут дальнейшие варианты?

– Не знаю, как ты, – пол неожиданно попытался выскользнуть у меня из-под ног, и от падения меня удержал только тренированный вестибулярный аппарат... и коридорная стенка, – а я собираюсь дойти или хотя бы доползти во-он до той белой двери. Хочется, знаешь ли, избавиться от последствий прошлой идеи, прежде чем браться за реализацию новой.

* * *

Мало есть на свете столь же подходящих для неторопливого, можно даже сказать, медитативного размышления мест, чем радующие глаз стерильной белизной внутренности эсбэшного индивидуального санблока. Я покинул его настолько умиротворенным, что даже штраф в пять эко «за слив химических отходов» не смог нарушить мое новообретенное душевное равновесие.

Вот напарнице моей этого самого равновесия явно не доставало.

– Наконец-то! Я уж решила, что ты решил подремать пару сто минуток.

– У меня была такая мысль, – кивнул я. – Но! Присущее мне исключительное чувство долга...

– ...сумело оторвать твой зад от унитаза, – съязвила Золушка. – Чудо. Аллилуйя.

– Попрошу без богохульств, – я попытался придать своему голосу интонации старшины Стрешнева. – В Мирах...

– Минута двадцать три секунды, – прокомментировал инк фишки развернутую характеристику Миров, данную моей напарницей. – Должен заметить...

«Заткнись, а? – тоскливо *вымыслил* я. – Не до тебя».

– Короче, напарничек, – Золушка, похоже, тоже была знакома со старинными мувами из коллекции прапорщика Голопупенко, – мне хочется жрать. Именно жрать, потому что *есть* я хотела полчаса назад. У тебя есть какие-нибудь идеи по *этому* поводу?

- Очень хороший японский ресторан в двадцати минутах.
- Минутах чего? Широты, долготы?
- Полета на такси.

Наградой за ответ мне послужил переполненный самыми разнообразными чувствами взгляд – лучше всего к нему, по-моему, подходила характеристика: «уничижающий», – после чего моя напарница резко повернулась и зацокала каблуками по коридору.

Я поплелся следом, уныло размышляя, что характер существа, в обществе которого мне придется провести некий, возможно, что и немалый, отрезок времени, с момента нашего знакомства претерпел значительные изменения – причем не в лучшую сторону. Куда только подевалась преисполненная романтики златокудрая фея? Утекла в фильтры вместе с молекулярными цепочками «джен-3»?

С другой стороны, за этот период с ней произошло не так уж много событий, способствующих проявлению лучших качеств человеческой природы. Попытка убийства, принудительная вербовка, массовая бойня...

Кстати, о... мне только сейчас пришла в голову мысль, что, с точки зрения обычного землянина, все участники последней истории – живые, вынося за скобки гномов, – повели себя абсолютно неадекватно. Например, я сам – превративший пять человек в трупы различной степени сохранности – по всем канонам должен был бы лежать сейчас в кабинете гипнурга, по уши накачанный успокоительными и антидепрессантами. Или же, не получив своевременной квалифицированной психопомощи, заламывая руки, биться в истерике.

Положим, я-то сам знаю, в чем дело – я и утилизатор на третьем подуровне, угол Шестой Фиолетовой и Даркмушстрассе. Но и Бару Корину не пришло в голову озаботиться моральным состоянием своего сотрудника. Хотя... этому тоже есть логическое объяснение – шелдонец просто не ожидает иной реакции от человека, готовившегося стать профессиональным военным.

Золушка же... впрочем, а что я о ней знаю? Что я вообще знаю о лунарях? Десяток затертых анекдотов, пару «адаптированных» для землян псевдомемуаров времен Восстания и рассказы полдюжины знакомых, больше напоминающие отчеты барона Мюнхгаузена о полете на ядре. И, в общем-то, все.

Маловато будет. Маловато.

Глава 5

Кто не спрятался...

Не могу сказать, что я числю себя поклонником традиционной японской кухни. Скорее мне была симпатична именно атмосфера «Адмирала Ямамото» – все эти бумажные ширмы, официантки в красных шелковых кимоно, «Зеро» под потолком и крохотные голопортреты молодых летчиков с белыми налобными повязками на стенах цвета корабельной брони. Особенно я любил откидные столики на узеньком балкончике – как раз на уровне кабины истребителя.

Что же касается собственно еды – меня вполне устраивало мороженое, загримированное под рисовые шарики, и текила в чашечках для саке. В отличие от моей спутницы, которая...

– Где ты так ловко научилась обращаться с палочками? – спросил я, глядя на стремительно уменьшающееся количество рыбных ломтиков.

– Дома. В смысле, – Золушка мазнула палочками куда-то в сторону запасного выхода, – на Луне. У нас же одна из самых больших китайских общин в Системе.

– Ах да. Новый Гонконг.

– А также Маленький Шанхай и След Небесного Дракона. Не считая двух дюжин более мелких куполов и отдельных коридоров. У двух моих три-сестер мужа – китайцы.

– Ясно, – инк фишки не сумел просветить меня, в какой из многочисленных форм практикуемого лунарями брака имеются родственные отношения степени «три-сестринство».

– Расскажи о себе, – неожиданно попросила Золушка. – Неправильно как-то... напарники, а ничего толком друг о друге не знаем.

– Да мне, собственно, – пожал я плечами, – нечего рассказывать. Что интересного может быть в биографии у землянина. Родился, учился... в школе, потом поступил в Мои-сеевский. Потом учиться заколебало. Попытался поймать систему – и система, как видишь, поймала меня. Думаю, у тебя история жизни куда интереснее.

– Ошибаешься. – Золушка приподняла палочками салатный лист, заглянув под него столь осторожно, будто ожидала встретить там вегетарианца из «Лиги за права растений» с огнеметом наперевес. – Во всей Вселенной не найти более заплесневелой... как это... провинции, чем мой родной кусок базальта. Когда-то, до Восстания и чуть после, это и в самом деле был кипящий котел. Вот только с тех пор пена сбежала, дрова погасли и остался только присохший к стенкам жир. – Золушка скривилась. – Кучка реликтов, увешанных значками ВВ и медальками «за песок», на которых и чихнуть-то страшно – а ну как рассыплется на запчасти! Байт держу, настоящие повстанцы им даже батареи от бластеров заряжать не доверяли! А сейчас – повывлезали и давай наводить свои порядки! Ревнителю старинных – вдумайся только! – исконно лунарских традиций. Которые в итоге, – в первый момент меня передернуло, и лишь секунду спустя я сообразил, что хрустнула палочка, а не зуб моей собеседницы, – сводятся к одному и тому же – все должно быть выровнено, зашлифовано, подкрашено и присыпано нафталином! М-мутанты безрогие!

– Странно, – заметил я. – Мои знакомые, которые бывали у вас, например, в том же Маленьком Шанхае, уверяли меня, что это весьма... динамичное поселение. Особенно их впечатлила перестрелка на тяжелых бластерах прямо у входа в гостиницу.

– Ерунда, – отозвалась Золушка, с сожалением глядя на последний ломтик рыбы. – Я сама полгода состояла в одном ганге. «Новые амазонки», не слышал? Один из старейших и уважаемых, без трех рекомендаций от действующих членов ни-ни, даже не суйся. Первое время меня это забавляло – катание на роликах в дурацких «форменных» шортиках, тряска

мелких торгашей... перестрелки с пентами... даже в паре драк поучаствовала... шит, футбольный матч и то менее... как это...

– Формализован, – подсказал я.

– Вот-вот. Ну, ухитрилась я проломить пару черепов, схлопотала за это чин командира патруля. – Золушка дернула ворот комба, продемонстрировав мне небольшой оранжевый ромбик тату... на правой груди, ничуть не уступающей левой по идеальности формы. – А потом одна идиотка отхватила пару пальцев не у того туриста, и в наши коридоры наведалься патруль «голубцов» – тут-то мышке и стало ясно, кто в доме хозяин.

В сердцевине первого из моих мороженных шариков обнаружился небольшой оранжевый шарик. Некоторое время я раздумывал над ним, затем, решившись, откромсал ложечкой крохотный кусочек – вишня!

– С тех пор и маюсь, – продолжала Золушка. – Слетала автостопом до Юпитера... работала... много кем. А вообще-то, – моя собеседница отложила палочки и задумчиво уставилась куда-то мимо меня. – У меня есть мечта. Большая. Несбыточная.

– Раньше это называлось – «хрустальная», – заметил я.

– В самом деле? Красиво, – тоскливо вздохнула Золушка. – Я хочу увидеть танец космических бабочек.

– Кого?!

Фольклор курсантов Академии богат всяческим бредом – мне доводилось слышать и про «облако-охотник», и про хищный астероид. Но бабочки?

– Я услышала о них пару лет назад. Какая-то научно-развлекательная передача по интервиду. Легенды жителей Миров, драконы и прочее... я подбирала гамму для ногтей и слушала вполуха. А потом увидела ее. Космическую бабочку.

Мой знакомый работал в фирме, лепившей подобные передачи. Понятно, что ни на какие Миры никто из их сотрудников не летал – смысл? Любой нарк с нижних ярусов за пару эко выдаст в десять раз более яркие и достоверные образы.

– Они расправляют в пустоте свои крылья, – с увлечением рассказывала Золушка. – Огромные, несколько километров, переливы всех возможных и невозможных цветов, и солнечный ветер несет их в пространстве. Они порхают от астероида к астероиду... иногда оставляя крылья на орбите и ныряя вниз, а потом выпрыгивая обратно. Тела у них по сравнению с крыльями небольшие, два-три метра – причудливое переплетение серебристого металла.

Интересно, подумал я, а других космических насекомых *там* не водится? Пауков, скажем, или тараканов?

– А раз в год...

Какой год?!

– ...они собираются в огромную стаю над самым крупным астероидом в поясе и сутки напролет танцуют. Представляешь? Брачный танец самых красивых существ во Вселенной. В конце танца те бабочки, которые сумели найти себе пару, сливаются в единый организм... и через неделю крохотное яйцо летит вниз, чтобы вскоре взвиться новой бабочкой.

– Я думаю... – начал было я и осекся, глядя на предмет, очень точно выкаченный кем-то на свободное от циновок пространство в середине зала. Чуть больше кулака, серый, ребристый, с ободком, по которому стремительно бежит забавная такая цветовая полоска – узнаете? Правильно, светоакустическая граната, в просторечии «шарашка».

Боевой чип оказался на высоте – я успел выскочить из-за столика, ухватиться за перильца и красиво воспарить над ними. В этот момент она и сработала. А что я, спрашивается, хотел? Прав был старшина Стрешнев – из поединка человека и гранаты победителем всегда выходит граната.

Понятно, чипу удар «шарашки» не повредил. Только... располагая источниками информации в виде мельтешащих пятен и непрерывного звона да на подгибающихся ногах особо много не навоюешь. Впрочем, я попытался двинуться в сторону двух наиболее сложных пятен, чем-то напомнивших чипу очертания людей с оружием в руках, и даже сумел сделать два, нет, целых три шага. А потом моего затылка коснулось что-то холодное и твердое, и окружающий мир окончательно перестал существовать.

– Очнулся... напарничек?

Умение воспринимать окружающее постепенно возвращалось ко мне – но лучше бы оно этого не делало. По крайней мере – я коснулся затылка, и внутри моего черепа взорвалась очередная «шарашка», нет, тактический боезаряд! – до тех пор, пока эта чертова шишка не перестанет занимать собой полголовы. Вот ведь не повезло! Ежедневно десятки тысяч людей по всей Федерации глушат станнерами, газовыми гранатами, «подавляющим» излучением, древними шокерами, наконец! А меня угораздило нарваться на дикаря, всем этим техническим достижениям цивилизации предпочитающего дубину... каменную, судя по размерам шишки.

– Где... мы?

– В помещении, – сообщила мне Золушка, забившаяся в противоположный угол этого самого помещения. – Два на три метра, стены обшиты пробкой, под потолком два люминесцентных источника света общей мощностью примерно тридцать ватт, температура среды около двадцати двух градусов Цельсия...

– Спасибо, достаточно, – оборвал я. – Еще какие-нибудь, менее детальные подробности? К примеру, на какой мы планете?

– Без малейшего понятия, – огрызнулась напарница. – Все, что я помню – это ты, перелетающий через ограждение. А следующее воспоминание уже включает в себя пластиковый мешок на голове – вон этот.

– Тут есть отверстия, – заметил я, изучая указанный предмет, – для дыхания, надо полагать.

– Угу, только располагались они на затылке. Так что все, что я могу сказать, – нас волокли откуда-то... досюда.

– Исчерпывающая информация, – вздохнул я. – Мой брик и то был бы многослов... черт!

С одной стороны, такие вещи бывают только в дешевых сериалах. А с другой – что-то же упирается мне в локоть!

– Вы пробыли в бессознательном состоянии сорок три минуты двадцать девять секунд, – сообщил инк.

«Связь!»

– К сожалению, в данный момент вы находитесь в пределах экранированного помещения, – мне показалось, что я уловил в мыслеголозе фишки оттенок злорадства. – В которые были доставлены в грузовом отсеке флаера.

«Тоже экранированном?»

– Совершенно верно.

«Заткнись, а?»

Я произвел мысленную инвентаризацию имеющихся в наличии возможностей. М-да, негусто. Был бы при мне «кольт-волк»... хотя с другой стороны, я искренне радовался, что оставил его дома. Отписываться за утерю личного оружия... бр-р! Лучше сразу застрелиться... если найдется из чего.

– И, – прищурилась Золушка, – какие предложения выдвинет старший товарищ после ознакомления с обстановкой?

– Ну, – задумчиво сказал я, – мы, конечно, можем попробовать постучать в эту дверь чем-нибудь тупым и твердым...

– Вроде твоей головы?

– Тогда уж твоей, – парировал я, – потому что моя непригодна даже для стучания по бумажной салфетке. Но я думаю, что это в любом случае не повлияет на конечный результат. При хорошем раскладе те, кто бросил нас сюда, рано или поздно о нас вспомнят и заглянут, хотя бы затем, чтобы допросить. А допрос – это все же хоть какой-то обмен информацией.

– И?

– Что «и»?

– Допросить, а потом?

– Знаешь, – медленно сказал я, – большая часть современных методик допроса не предполагает для допрашиваемого никакого «потом».

– И это ты называешь хорошим раскладом, – горько усмехнулась Золушка. – А что же, по твоему мнению, плохой?

– Плохой – это если про нас забудут на срок, превосходящий мои способности выживания в безводном пространстве, – чистосердечно признался я. – Правда, этот вариант энергетически не оправдан – убить нас могли и на месте.

– Да ну? – переспросила Золушка. – Как ты меня утешил, ты...

– Две минуты семнадцать секунд, – подытожил инк. – И очень много повторов.

– ...а еще я не привыкла, чтобы меня глушили, как тритона, и волокли неизвестно куда, чтобы сотворить неизвестно что! – выкрикнула Золушка. – Не хочу, не хочу, не хочу!

– Что ж. – Я попытался приподняться и был вознагражден за это новым взрывом боли, на этот раз в ноге. Похоже, вывих... ну да, падал-то я уже с нарушенной координацией. Чертов чип. Ладно, попробуем осторожно, вдоль стеночки... – Единственное, что я могу тебе ответить... добро пожаловать в СБ!

В следующие пять минут я был очень занят двумя вещами – златокудрой головкой моей напарницы, всхлипывающей у меня на груди, и мыслями о том, как все-таки несправедливо устроена Вселенная.

А потом пол нашей камеры содрогнулся, заставив меня подскочить сантиметра на три вверх.

– Что это было?

– Хороший вопрос. Переадресую.

– Недостаточно данных для точного анализа, – огрызнулся инк. – Минимальный прогноз: «подрыв калифорнийской гранаты, эквивалентной двадцати тоннам стандартной взрывчатки, произошедший не далее четырехсот метров от точки вашего местонахождения». Соответственно с увеличением расстояния мощность заряда возрастает...

«Заткнись!»

Взрыв не только дернул пол. Он еще и перекошил дверь камеры – теперь между ней и полом наличествовало полсантиметра свободного пространства. Явно мало для нас – но вполне достаточно для звуков боя.

– Что там? – нетерпеливо спросила Золушка.

Я отмахнулся от нее, подползая поближе к щели.

Частый треск стун-гранат и редкое ответное шипение бластеров – знакомая картина, не так ли? Означает, что атакующие настолько уверены в своем подавляющем превосходстве, что считают себя способными на обычную полицейскую тактику – глуши всех, а потом разберем, где свои. Гуманно, в общем-то, вот только порой эта привычка подводит – когда поступает приказ использовать более летальные средства, «разбор полетов» снова, как и тысячу лет назад, приходится брать на себя господу.

Атакующие продвигались быстро – я едва успел просчитать обстановку и начать отползать подальше от двери, как могучий удар – хорошо иметь бронекостюм с мио-мышцами – отправил ее к противоположной стене камеры. Ну а следом влетела, само собой, радостно отсчитывающая последние мгновения стун-граната – стандартная тактика зачистки помещений, что я, спрашивается, хотел?

Мне еще повезло – деревеня, я успел разглядеть, что поза замершей у стены Золушки показалась появившемуся в проеме штурмовику подозрительной – и он щедро окатил ее ливнем голубых разрядов. Станнерная передозировка – это, доложу вам, ой-ой-ой, в десять раз хуже самого жуткого похмелья.

* * *

Своей доли мучений я тоже не миновал. Всплытие из черного моря забытья было столь долгим и неприятным, что мягкое и уютное кресло я сумел идентифицировать лишь после того, как из серого полумрака стусилось недовольное лицо Бара Корина.

– Сэр...

– Сидите уж, – пресек полковник мою жалкую попытку выбраться из кожаной ловушки.

– Сэр, я...

– Вы, Мракович, – медленно произнес Бар Корин, – сегодня проявили просто исключительный талант влипнуть в неприятности. Признаться, когда я вербовал вас, то не рассчитывал, что вы будете появляться в моем кабинете по три раза на день.

– Но, сэр...

– Учитывая тот факт, – продолжил Корин, вывешивая над столом сразу три винды, – что в каждое очередное появление ваше состояние ухудшается, я бы не рекомендовал вам пытаться проделать нечто подобное еще раз. Не люблю, когда посетителей вносят... ногами вперед.

– Клянусь, сэр. – Я наконец сумел отклеиться от спинки кресла и качнуться вперед. – У меня, то есть у нас, и в мыслях не было ничего подобного, сэр. Мы просто зашли в ресторан...

– Второй раз за день, – буркнул Корин. – Что-то вам не везет с заведениями общественного питания. Я на вашем месте какое-то время ограничился бы заказными блюдами.

– Я постараюсь обойтись космолетным камбузом.

– Тоже неплохо, – кивнул полковник, внимательно изучая винду справа от себя. – Вы хоть знаете, что эти идиоты от вас хотели?

– Не имею ни малейшего представления, – сознался я. – Меня оглушили, потом очнулся в какой-то камере... потом меня оглушили снова. Думаю, инк фишки и то может рассказать больше.

– Инк фишки, да... – Бар Корин, помрачнев, наклонился и извлек из стола две фишки. – Держите. Ваш и вашей напарницы.

– А старый? – Не то чтобы я о нем сильно жалел, но... в какой-то миг мне показалось, что он начал обретать индивидуальность, пусть и с приставкой «псевдо».

– Погиб, – вздохнул Корин. – Конструктивная недоработка – мощный стун-разряд, как выяснилось, начисто разваливает интелструктуру.

– Представляю, как огорчился доктор Рагнарссон.

– Именно поэтому я и решил лично отдать вам новые фишки, – усмехнулся полковник. – В ближайшие два-три месяца вам лучше не попадаться Доку на глаза. Впрочем, у вас и не будет такой возможности.

– Ясно. – Я решил пока не заострять вопрос на последней фразе Корина. – Сэр, а эти, как вы выразились, идиоты – что они от нас хотели? Вы ведь допросили... там ведь было кого допросить?

– Да, на этот раз нам больше повезло с пленными, – заметил полковник. – Но не с информацией. Рядовые исполнители, как обычно, ничего не знают. Из трех главарей двое разнесли себе головы бластерами, а третий, которого успели застуннить... сварился.

– Не понял, сэр.

– Очень хитрая блокировка, – пояснил полковник. – Врач штурм-группы говорит, что до сих пор с такой не сталкивался. При угрозе допроса в крови пленного активировался вирус, который в считанные минуты поднял температуру тела до девяноста градусов. Как сказали в лаборатории: «С тем же эффектом можно засунуть под сканер котлету».

Бр-р!

– Единственное, что удалось установить достоверно, – с отвращением сказал Бар Корин, – так это то, что они явились именно за вами.

– Но... – я почувствовал, что мои мысли начинают свиваться в клубок, – мы находились в ресторане всего несколько минут. А за полчаса до этого и не предполагали там оказаться.

– Я ожидал от вас несколько другого вопроса, – заметил полковник, – как *мы* нашли вас.

– Ну, – пробормотал я, – вы же все-таки СБ.

– Велики и могучи по определению, так, что ли? – усмехнулся Бар Корин. – Почему же тогда два опера «великого и могучего СБ» позволили спеленать себя, как слепые котят? Вы ведь теперь тоже СБ, так что привыкайте, что – как это у вас говорится? кавалерия из-за холмов? – появляется далеко не всегда.

Интересное выражение, подумал я, надо будет запомнить. Русский дедушка любил говорить что-то похожее, но про вертолет.

– Так вот, возвращаясь к вашему вопросу, – сказал полковник. – Признаюсь, некоторое время назад я серьезно подозревал, что в моем отделе завелась «крыса», но несколько последних происшествий – в том числе и с вами – разубедили меня в этом.

– Слишком быстро утекала инфра? – догадался я.

– Именно, – кивнул Бар Корин. – Будь я в Мирах, начал бы искать шпиона-демона, ну а на Земле...

– «Клоп» в инке!

Я попытался прикинуть, сколько может стоить операция по подсадке «клоп-программы» в инк СБ – и мне стало не по себе. Тут уже счет идет не на сотни тысяч – на миллионы эко. Причем эти миллионы швыряются на ветер с оч-чень настораживающей небрежностью – пуская в ход инфру в режиме реального времени, они – кто бы они ни были – должны были сознавать, что их «клопу» осталось жить пару десятков минут.

– Техслужба запустила полное сканирование всей стационарной интелктроники отдела, – сообщил Корин, разворачивая в мою сторону одну из винд. – Оно все еще продолжается...

Неудивительно, подумал я, глядя на отметки под секторами – при таких-то чертовых терабайтах! И ведь это только оперативный объем, а не базовое хранилище!

– ...но уже сейчас выявлено три, как вы говорите, «клопа» и одна, – Бар Корин взгляделся в винду, – программа, не совпадающая с матрицей. Понятия не имею, что бы это могло означать...

– Могу предположить, сэр, – сказал я. – Это означает, что при сличении с имеющимся в хранилище эталоном произошло несовпадение базовых элементов – тех, которые не являются переменными и должны...

– Вы очень понятно объясняете, Мракович, – язвительно заметил полковник.

– В общем, кто-то переписал эту программу, – закончил я. – А поскольку эти изменения отсутствуют в эталоне, то эту операцию произвел кто-то посторонний.

– Замечательно. – Бар Корин откинулся назад и, упершись подбородком в кулак, принялся буравить меня своими прожекторами. – Может, вы даже скажете, что *не обнаружило сканирование?* И скорее всего не обнаружит за оставшиеся часы.

Хороший вопрос. Если исходить из Закона Всемирной Подлости...

– Каналов проникновения?

– Поздравляю, – процедил Бар Корин. – Можете – как это у вас говорится? – взять шлюшку с полки.

– Плюшку, сэр, – автоматически поправил я.

Весело. То есть щель – или распахнутые настежь ворота, – через которую в Сеть Безопасности проникли чьи-то шаловливые ручки, пока осталась открытой. Просто замечательно.

Интересно, Бар Корин успел сообщить столь «радостную» новость вышесидящему начальству?

Интересно также, кто это настолько лишился разума, что решил начать игру против СБ? Нет, я, конечно, все понимаю – неодемократия, свобода предпринимательства, права доминионов и прочие благоглупости. И что годовой доход кое-каких корпораций превышает бюджет СБ в разы – тоже понимаю. Но... переть против Системы? Не верю! Бред... но бред наяву!

– Что же касается не заданного вами вопроса, – продолжил полковник, – то могу обрадовать вас сообщением о наличии в фишке столь полезного предмета, как отражатель гиперволн. Разумеется, со строго индивидуальными характеристиками. С их помощью мы можем обнаружить нашего агента на расстоянии в полпарсека.

Точнее, вы можете обнаружить его фишку, мрачно подумал я. Вот если бы похитившие меня типы чуть меньше полагались на экранировку или смотрели бы чуть больше сериалов...

Рабочие будни сотрудников СБ... черти б их взяли. Всем смеяться... до потери сознания... два раза.

– Суммируя все вышесказанное, а также с учетом проявленной вами, – полковник задумчиво поскреб висок, – способности к выживанию, я решил освободить вас от прохождения курса психотренинга. Ограничимся десятком наиболее распространенных языков, это займет не больше получаса. Надеюсь, данный шаг значительно ускорит дату вашего отлета.

– Вне всякого сомнения, – пробормотал я.

В переводе с бюрократического – вы, ребята, и так неплохо выкручиваетесь, давать вам спецкурс – слишком жирно, и вообще, валите-ка побыстрее в Миры, пока еще чего-нибудь не приключилось.

– Разрешите вопрос, сэр?

– Да?

– Если мне, – осторожно начал я, – удастся максимально ускорить отлет... скажем, к завтрашнему утру... могу ли я включить отчет, которым вы уже неоднократно интересовались, в итоговый доклад о полете?

– Если сумеете, Мракович, – улыбнулся Бар Корин, – то это будет просто замечательно.

Мне все же удалось удивить его напоследок – я одним резким движением вылетел из кресла, вытянулся по стойке «смирно», четко откозырял и парадным строевым шагом промаршировал до двери. Подвиг, немыслимый для человека с постстунновым синдромом, не так ли? Те, кто программировал боевой чип, знали, какие функции могут быть полезны в быту.

* * *

Первое, что я совершил, выйдя от Бара Корина, – беззвучно взыв – именно так! – вцепился в стену и медленно сполз по ней на пол. Не знаю, что за недоучка-ветеринар занимался моей ногой – возможно, это был тот самый врач штурм-группы, о котором упоминал полковник, но мысли об облегчении страданий пациента его явно не отягощали. А-а-а. Больно.

Ну да ладно.

Инк-секретарь на этот раз был столь предупредителен, что еще до моего вопроса сообщил мне местонахождение моей напарницы – им, как и следовало ожидать, оказался больничный сектор.

Являться туда с пустыми руками было бы по меньшей мере неразумно. Поколебавшись полминуты между возвращением домой, за «волком» и заказом «срочной доставкой» белой мыши, я остановился на третьем, самом «убойном» варианте – благо соответствующий магазин располагался как раз напротив Конторы.

Вышло даже дешевле, чем я предполагал изначально. Несколько... негабаритно, но, поразмыслив, я решил принять этот недостаток за достоинство – теперь за моим подарком можно было спокойно укрываться от обстрела... если мне удастся донести его, не растеряв по дороге...

– Ой.

– И снова доброе утро, – неестественно бодрым тоном приветствовал я свою напарницу. – Как самочувствие?

– Это... все мне?

– Все-все. – Я разжал объятия, и полторы сотни алых роз с шуршанием осыпались на пол.

– С-спасибо.

Я с немалым удивлением увидел, как в уголках зеленых глаз заискрились слезинки.

– Что-то не так? – обеспокоенно спросил я. – У тебя что, аллергия на цветы?

– Нет. – Золушка спрятала лицо в ладонях. – Просто... За всю жизнь мне дарили цветы только три раза. Искусственные.

– Вау.

Мне как-то не пришло в голову, что земной обычай дарить цветы вряд ли может быть столь же популярен на Луне. Хорошо еще, что Золушка все же очень романтическое существо. Нормальный лунарь скорее всего осведомился бы, на кой я приволок ему грудку колючей биомассы.

– Столько цветов...

– В магазине заверяли, что это новый, генетически улучшенный сорт, – сказал я. – Сохраняющий свежесрезанный вид на протяжении трех недель. Так что дня два они точно простоят.

– А потом... завянут? Жалко. Такая красота.

– Можешь взять их с собой, – предложил я. – Будешь высаживать на тех Мирах. Думаю, тамошние жители будут тебе за это признательны.

Особенно если эндемичные растения окажутся менее жизнеспособными.

– Отличная мысль, – с энтузиазмом воскликнула Золушка. – Я хотела взять для торговли что-нибудь подобное. Цветы, ткани, детские игрушки, разрешенные стимуляторы...

Я вспомнил, что о чем-то подобном меня предупреждал давешний гном, – и содрогнулся.

– К сожалению, – вздохнул я, – должен сообщить две новости, которые тебе наверняка не понравятся. Первая – груз уже подобран, и груз этот – оружие.

– Переиграем, – улыбнулась напарница. – Времени у нас достаточно.

– А вот это и есть вторая новость. Вылет завтра утром.

К моему удивлению, инк фишки засек время без моей команды. Догадливый.

– Все?

– Нет. Еще один вопрос. Этот проклятый полковник удосужился объяснить, что за чертовщина творится вокруг нас?

– Разумеется, нет, – сказал я. – Вот лет через пятнадцать, когда мы получим допуск соответствующего уровня...

Инк засек время снова.

Часть вторая

Глава 6

Итак, друг мой Фауст, что бы вы хотели осмотреть?

После недолгой, но бурной дискуссии экипаж «Хрустальной тыквы» большинством голосов – мы посоветовались, и я решил! – счел наиболее благоразумным не оставлять без присмотра болтающийся на высокой орбите пепелац, а посему моей напарнице в данный момент приходилось довольствоваться лишь пересылаемой инфором картинкой. Судя по периодически доходящим в ответ хрипящим проклятиям, картинка была далеко не перфектного качества. С этим я ничего поделать не мог, зато старательно вертел головой, стремясь захватить в поле зрения микрокамеры как можно больше, благо смотреть было на что.

Надо отдать должное – Большой Базар на Джиуре впечатлял! Даже для привычного к масс-рекламе жителя Федерации – например, меня – количество видео-, аудио- и прочих восхитительных в своей новизне образов слегка... скажем так, перегружало возможности их оперативной обработки, а уж запахи! Запахи, да... их могло бы быть и поменьше.

Планета была землеподобна процентов на девяносто – то есть на ней имелся пригодный для дыхания воздух, голубое небо и подсвеченная закатным солнцем нежно-розовая облачная гора. А также отчетливо различимое с орбиты грязно-серое пятно помянутого Базара, размером и формой напоминающее Бельгию. В юго-западной части этого пятна я сейчас и находился.

Насколько я помнил, эта планета и до Контакта была одним из самых популярных торговых перекрестков Миров. А уж после того, как она заимела на своей орбите одну из трех дозволенных землянам анклав-станций, местное торжище и впрямь стало походить на стройплощадку вавилонской башни.

Собственно, этого можно было ожидать – здесь собрались выходцы с доброй тысячи Миров, каждый из которых наверняка был разделен на уйму государств. Плюс нелюдь – гуманоидные расы вроде орков, гномов, эльфов, плюс... я шарахнулся в сторону, пропуская неторопливо шествующую вдоль торговых рядов даму. Красивая дама, и одежды-то на ней – золотое налобное украшение и что-то вроде закрытого купальника, но вот только ног у нее было восемь... паучьих.

Судя по тому, что моему примеру последовало еще два десятка прохожих, эта крича не являлась представителем широко распространенного вида. По крайней мере, я сам был для большинства местных... э-э, постоянных обитателей куда менее необычной диковинкой. Золушка, правда, предлагала мне в целях конспирации надеть смоделированный ею костюм «свободного жителя Хруга», но эта идея была мной отвергнута по двум причинам. Первая – что жители Хруга могут находиться с кем-нибудь из присутствующих на Базаре крич в не самых мирных отношениях, а вторая – что, имея столь мизерную информацию об этом самом Хруге, я могу произвести на мирян примерно такое же впечатление, как любимый дедушкин герой Штирлиц, любивший побродить по берлинским улочкам в шапке-ушанке и с волочившимся позади парашютом.

Пока что я удостоился внимания базарных обитателей лишь дважды – скрюченная крича, чем-то напоминавшая Голлума в старости, редкостно хриплым голосом предложила мне отведать свежего *пхаа*, а вторым был странный тип в черном балахоне, минут десять отиравшийся вокруг. Тип имел белую, словно мел, кожу, лысый череп и не стриженные с

полгода ногти, а когда он открыл рот, чтобы заговорить, под верхней губой явственно блеснули полоски клыков.

– По имеющимся в БД Службы сведениям, вампиры не могут находиться под прямым излучением большинства солнц Миров, – поспешно сообщил инк в ответ на мой панический запрос и, чуть помедлив, уточнил: – В число которых входит и Солнце данной планеты.

Однако! Если это не вампир... то я уж не знаю!

– Вниманию пош-штенного звездопутника ш-ш, – в отличие от Голлума, невампир не хрипел, а шипел, хотя язык у него, насколько я смог убедиться, был самый обычный, а не раздвоенный, – можем предложить мы.

Вышипев из себя эту фразу, тип в балахоне захлопнул пасть и держал ее в таком положении не меньше тридцати секунд. Возможно, у него были серьезные трудности с земным общим, хотя и сомнительно – уж пару-то фраз можно было бы зазубрить!

– Рабов таких больше нигде не найдешь! – сказал он наконец в тот самый миг, когда я начал уж было раскрывать рот для резонного вопроса: «А чем, собственно, торгуете?» – На ш-што *глюю* Базара вокруг не найдешь!

– Охотно верю, – пробормотал я. – И уж точно не стану проверять.

– Ш-шущества разные ш-шамые, – продолжал невампир. – Люди-змеи, люди-ящеры, люди-медведи, люди-кошки. Экзотичесш-шкие любые, – слово «экзотические» далось лысому черепу нелегко, но он все же справился и со столь тяжелой задачей. – Принцеш-ша еш-штть. Наш-штоящш-шая ш-шамая. И две эльфки... дев-штвенницы.

Гримаса, которую он состроил при последних словах, должна была, по идее, изображать дружескую усмешку, но лично у меня она вызвала лишь близкое к паническому желание активировать прыг-режим кобуры.

– Спасибо, но как-нибудь в другой раз, – назвать *это* приятелем у меня не повернулся язык.

– Пош-шалеешь, звездопутник, – пообещал напоследок клыкастый, отходя прочь.

– Любопытно, – заметила Золушка, дождавшись, пока тип в черном окончательно пропадет из виду. – Он обратился к тебе на земном...

– И?

– ...следовательно, он знал, что ты – землянин.

– Крайне логичное умозаключение, – прокомментировал я. – Продолжение будет?

– Он знал, что ты землянин, и все же предложил тебе именно рабов.

– Хм.

Действительно, странно. Я, правда, не помнил, сказано ли что-либо про рабовладение в законах Федерации – эта тема не относилась к числу актуальных для первокурсников...

– Запрещено на всей территории Федерации, – немедленно отозвался инк. – Согласно статье 34.65 «О правомерности...»

«Замолкни!»

– Первое правило торговли, – напомнил мне голосок из небесных высей, – спрос рождает предложение.

– Ну на кой черт землянину могли потребоваться рабы? – спросил я. – Чтобы торжественно освободить их в шлюзе анклав-станции?

– Не исключено, – отозвалась Золушка. – В моем куполе обитало полтора десятка благотворительных контор, которые, случалось, тратили деньги на куда более идиотские вещи.

– Идиотские с точки зрения лунаря? – уточнил я.

– С любой, – отрезала напарница. – Как тебе, например, «Программа восстановления эндемичной биофлоры в заброшенных технических туннелях»?

– Откуда на Луне эндемичная биофлора?

– Как правило, – пояснила Золушка, – под этим термином понималась обыкновенная плесень.

– В таком случае это скорее всего обычная афера, – уверенно сказал я. – Способ перелить тышчонку-другую эко с общественного счета на личный. Держу пари, плесень в ваших туннелях будет цвести, даже несмотря на усилия десяти программ по уничтожению этой самой биофлоры.

– Эмбэ, – согласилась напарница. – Но, что интересно... я тут подключилась к дата-банку станции...

– Я же тебе запретил!

– Не нуди, напарничек. Видел бы ты их защиту... просто насмешка над честным вскрышечником!

– «Честный вскрышечник» – это ты хорошо сказала!

– Моя фишечка прошла сквозь них, как штрекер.

– Стоп! – Я выполнил поданную мной же команду первым, за что немедленно удостоился пинка между лопаток. – Ты использовала для взлома служебный фиш?!

– Естественно, – чуть обиженно отозвалась Золушка. – А чем, по-твоему, я должна была воспользоваться? Инком пепелаца или чипом универсальной отвертки?

– А в твою златокудрую головку случайно не закралась мысль... – начал было я, однако меня тут же отвлек вторичный удар в спину, сопровождавшийся крайне недружелюбным ревом.

– Агррах тивираш!

Этот язык явно не входил в топовую десятку Бара Корина. Впрочем, на этот раз фишка оказалась быстрее – она успела сообщить мне перевод фразы, прежде чем я, развернувшись, собрался произнести свое коронное «Эш назг...».

– Че стал на дороге! – повторил тип в круглом шлеме, обдав меня волной чесночного – или очень похожего на него – запаха. У типа был большой сплюснутый нос, торчащие из пасти клыки, правда, все же поменьше, чем у давешнего вампира, и светло-зеленая кожа. По мнению фишки, тип был орком.

По моему же мнению, он был орком разозленным, поэтому я обратился не к нему, а к его старательно завернувшемуся в зеленый плащ спутнику.

– Очень прошу извинить меня, уважаемые. Я прибыл издалека, из галактической провинции, впервые вижу столь...

Товарищ орка медленно поднял руки, стянул капюшон – и я с превеликим трудом удержался от восторженного «Вау!». Впрочем, вопля, который миг спустя издала моя напарница, с лихвой хватило на двоих – отдельное спасибо звукофильтру за уцелевшие перепонки.

Волосы, словно отлитые из красной меди, уши с острыми кончиками и *очень* красивое лицо. Нечеловечески красивое. Редко кому удается правильно употребить это словосочетание, но сейчас был именно такой случай – эльф был прекрасен, как никогда не сможет быть прекрасен ни один человек. Лучшие пластхирурги Федерации и за тысячу лет не сумеют даже приблизиться к этим идеальным чертам.

– Мы знаем, откуда ты прибыл, *землянин*, – произнес эльф.

Черт! Лучше бы он ничего не говорил! Потому что теперь мне уж точно обеспечен комплекс неполноценности. Пожизненный. Вложить в одну-единственную фразу столько оттенков я не сумею никогда.

– Мой спутник, – эльфу хватило почти незаметного кивка, чтобы уже разинувший для очередного рева пасть орк немедленно захлопнул челюсти, – охотно примет твои извинения. Не так ли, Грытм?

– Ты это... – прорычал орк на два тона тише, старательно изучая носки собственных сапог, – все ведь путем, земляшка?

– Вполне, – согласился я.

– В таком случае, – холодно сказал эльф, – от всего *риша* желаю вам приятного времяпровождения на Базаре.

– Надо же, – удивленно сказала Золушка, – эльф в обществе орка! Я всегда считала, что эльфы их терпеть не могут.

– Я всегда считал, что они никого терпеть не могут, – отозвался я. – В смысле эльфы, хотя и орки, помнится, также особым избытком гостеприимства похвастаться не могут.

– А еще эльфы не любят землян!

– Записи проверь, – посоветовал я.

– Что? Ах ты... сдохший бот!

– Будем считать это ответом, – пробормотал я. – Собственно... кто мы такие, чтобы для нас делались исключения?

Никому еще не удалось благополучно доставить в Федерацию изображение эльфа. Хотя пытались очень многие. Самыми разными методами – от пары тысяч рассеянных по одежде микрокамер до ископаемых агрегатов на светочувствительной пленке. Результат был один и тот же – точнее, его полное отсутствие. Лакуны, черные пятна... что забавно, даже мнемосканирование не помогало, хотя сами подопытные клятвенно заверяли, что все их воспоминания на месте, в целостности и сохранности. Теперь я им верил – такое вряд ли забудешь.

Помнится, года полтора назад одна не самая мелкая новостная корпорация откомандировала на Миры десяток художников – и тоже мэтров не из последних. Двух из них потом пришлось долго продержать в милом заведении с мягкими стенами – у творцов, как общеизвестно, психика сама по себе хрупкая, а уж после того, как у них из-под кисти вместо прекрасного лика начало возникать нечто сюрреалистическое... раз двадцать подряд.

Самое забавное, что информация передавалась – ведь и Золушка сейчас видела картинку инфора. Передавалась – но не фиксировалась! А поскольку прямая трансляция на пару десятков парсек пока что находилась за пределами возможностей Федерации, знание истинного облика эльфов оставалось уделом немногих избранных. К числу коих мы отныне могли с полным правом причислить и себя.

Магия... чтоб ее черти взяли!

Справа над рядами шатров внезапно материализовалась крича, похожая на помесь китайского карнавального дракона с астероидным тоннелепроходчиком. Крича – не меньше ста метров, если верить пометкам на инфоре – была отвратного кроваво-красного цвета, а уж количеству и разнообразию торчащих из пасти клыков мог бы позавидовать любой палеонтологический музей.

«Объект не фиксируется в оптическом диапазоне, – встревоженно доложил инфор. – Помехи в радио...»

– Понятно. – Я с трудом сдержал вздох облегчения – тварь все же выглядела... скажем так, потенциально опасной, особенно, когда принялась упорно глядеть именно в моем направлении.

– Это мираж. Стереть.

«Но...»

– Стереть!

«Выполняю».

Кровавый дракон исчез.

Я успел пройти не больше двух десятков шагов, когда за моей спиной раздался жуткий вопль. Обернувшись, я увидел, как нечто бесформенное, но подозрительно похожее на наспех пережеванное человеческое тело неторопливо возносится вверх.

– Вернуть изображение!

– Это, по-твоему, тоже мираж?

– Молчи уж, – вздохнул я. – Тебе-то хорошо. Сидишь себе на орбите...

– Между прочим, – чуть обиженно отозвалась напарница, – имеются десятки свидетельств о существовании в Мирах крич, способных к перемещению в вакууме. Помимо общеизвестных Звездных Шмелей.

– Вроде твоих бабочек?

– Не только. На низких орбитах, например, часто фиксировали пролет драконьих стай.

– А глючных косяков они там не фиксировали? – осведомился я.

Дневной свет вдруг начал тускнеть, причем столь стремительно, что в первый момент я подумал лишь о поломке лицевого щитка. Затем я услышал потрясенный вздох напарницы, поднял голову и увидел тучи.

Тучи были непроглядно-черные, словно отрубленный экран, и застилали почти все небо – за исключением участка, занятого давешней розовой облачной горой, которая – теперь я это видел – формой напоминала трон. И трон этот был занят. А его хозяин был занят тем, что, привстав, разглядывал происходящее внизу.

Больше всего этот тип походил на варварского короля из малобюджетного мюва – рога-тый шлем, рыжая борода и так далее. Другой вопрос, что мне как-то не встречались до сих пор ожившие персонажи мювов ростом семь запятая сорок три десятых километра, если верить инфору.

В правой лапище гигант сжимал короткое копьё, которое через пару секунд, ослепительно вспыхнув, превратилось в молнию. Один конец молнии исчезал где-то в стратосфере, а второй с чудовищным грохотом ударил в землю справа от меня, нанизав при этом красную тварь, словно дождевого червяка на спицу.

Тварь отчаянно изогнулась, распахнув пасть в беззвучном вопле, и начала распадаться на полдюжины сочащихся пламенем сегментов. Гром прогремел еще раз – на этот раз в его рокоте мне послышалось удовлетворенное бормотание – и молния вернулась к своему первоначальному виду. Бородач неторопливо опустил обратно на облачный трон – и исчез. Миг спустя исчезли затянувшие небо черные облака, и вновь засияло очень похожее на земное солнышко. О случившемся напоминали только пробки в ушах, сильный запах озона и лениво струящийся в небо метрах в ста от меня синеватый дымок.

– А-абалдеть, – поделилась впечатлениями моя напарница. – Знаешь, какая была энергия у этой молнии?

– Не знаю.

– И не узнаешь. Датчик зашкалило. Но за пределы атмосферы она выходила. Полезный такой девайс – спутники сшибать!

«Предположительное число жертв грозового разряда, – сообщила фишка, – от двадцати двух до двадцати пяти человек. Прогноз сделан на основе анализа средней плотности видимой части Большого Базара и последующей апрок...»

«Стоп!»

– Слышь, землянин... гид не нужен?

Я был настолько погружен в обдумывание загадки совместного эльфийско-оркского содружества, что в первый момент даже не сообразил, откуда доносится этот наглый скрипучий голосок. Во второй, впрочем, тоже... потому что голосок раздавался непосредственно у меня в голове. Телепатия, однако.

– Может, и нужен, – старательно *промыслил* я, одновременно лихорадочно припоминая известные мне методы телепатической защиты. Вспоминался только скафандр «третий-тэта», с его пятимиллиметровым слоем перестроенного иридия и двумя полюсными генераторами помехового поля на висках. Гарантированная защита... потому что при работе генераторов даже на половинной мощности никаких мыслей в голове уже не остается, разве что одна – боже, когда ж все это кончится!

– Не читаю я твои мысли, – фыркнул невидимый собеседник. – Больно надо.

– Если ты их не читаешь, то откуда знаешь, о чем я сейчас думаю? – возразил я. – И вообще, покажись!

– У тебя все мысли на лице крупными рунами намалеваны, – отозвался невидимка. – А посмотреть... голову поверни направо... еще правее.

Повернув голову, я вопросительно уставился на толстого купца, горделиво восседавшего среди рулонов, охапок и груд всевозможных тканей. Купец сосредоточенно изучал стоящую перед ним штуковину – нечто маленькое, непонятной формы и очень шипастое. Лично мне штуковина показалась творением ребенка, у которого были спички, комок пластилина и два часа абсолютно свободного времени... с другой стороны, в качестве кандидата в мои собеседники она выглядела явно предпочтительнее купца.

– Выше, – не знаю как, но невидимке удалось протелепатировать очень достоверную мыслеформу тоскливого вздоха.

Выше был навес, а на нем сидел... сидело существо.

– Ой, – прошептала Золушка. – Какой... асисяйный зверик!

Купите Микки Мауса. Небольшого, дюймов так 10–12. И Чебурашку, только настоящего, русского, а не продукт буйной японской фантазии. Да, и еще лоскут черного, короткого и очень мягкого на вид меха. Искусственного, потому что в природе таких зверей точно не водится – если и водились, то их должны были истребить веке в семнадцатом. Потом поймите летучую мышшь. А теперь обтяните Микки Мауса этим самым мехом, приделайте ему чебурашечьи глаза – но ни в коем случае не уши! – а на спину прицепите нетопырьи крылья. Уши же лучше всего заимствовать у котенка – маленькие подвижные треугольнички.

– Ну, что уставился? – существо вызывающе сверкнуло глазами. – Демонов никогда не видел?

– Таких – нет! – честно признался я.

Демоны, с которыми мне приходилось иметь дело до сего дня, обитали в тошнотно-зеленых коридорах, имели перед именем приставку «кибер» и обыкновение разлетаться на ошметки под выстрелами шотгана или рельсовой пушки.

Мой ответ отчего-то поверг микки-демона в тягчайшее уныние. Он опустил носик-бусинку, моргнул... даже блестящая шерстка, казалось, враз потускнела.

– Ну да, – едва слышно прошепел он. – Конечно, я не настоящий демон. Всего лишь мелкий бес Второго Круга, жалкий имп... что может быть никчемнее?! Ни клыков, ни когтей, ни щупалец с присосками. Про возможность швыряться убийственными заклинаниями уж молчу. Разве кому-то может понадобиться такое? Последний балбес-подмастерье, едва освоивший Первую Ступень, и тот постесняется обзавестись подобным *знакомцем*.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.